

Закон парности

Автор:

Нина Соротокина

Закон парности

Нина Матвеевна Соротокина

Гардемарины #4 Исторические приключения (Вече)

1758 год. Семилетняя война развернулась в полную силу. Русские сравнительно легко захватили Восточную Пруссию, нанеся ряд поражений императору Фридриху. В захваченный Кенигсберг переехал штаб действующей армии под командованием любимца Елизаветы Петровны, принца Карла Саксонского. В самом Кенигсберге агентура Тайной канцелярии во главе с советником Лядащевым затеяла рискованную игру против английского резидента Сакромозо, решив использовать для этого княжну Репнинскую, несправедливо обвиненную в попытке отравить императрицу. Князь Никита Оленев, назначенный опекуном Репнинской, пускается на ее поиски и поневоле оказывается втянутым в борьбу разведок. И конечно же ему на помощь приходят верные друзья-гардемарины – ротмистр Александр Белов и капитан Алексей Корсак.

Нина Соротокина

Закон парности

© Соротокина Н. М., 2011

© ООО «Издательский дом «Вече», 2011

* * *

Часть первая

Кенигсберг

Мнимый опекун

Мелитрисе нравился Лядащев. Нет, право, лучшего попутчика в этой нелепой поездке трудно было себе представить. Несмотря на возраст, ведь это уже старость – сорок лет! – Василий Федорович умудрялся быть красивым и элегантным, и наружность его служила как бы приправой к их несколько постным, чопорным разговорам. И, конечно, Мелитриса была благодарна за то, что Лядащев ни разу не позволил себе обмолвиться, даже намеком показать, что гайдуки на запятках вовсе не гайдуки, а солдаты, а четверо гусар верхами вовсе не свита – охрана, а сама она не беспечная путешественница, а пленница, и даже хуже того – завербованный агент.

Он говорил ей насмешливо и высокопарно:

– Не огорчайтесь, милая барышня... Вы позволите мне так вас называть? Время – лучший лекарь. Вслушайтесь в его безмолвный плеск. Река забвения уносит каждый миг ваших горестей. Умирают секунды, и вы умираете вместе с ними... чтобы родиться вновь, – он вздыхал то ли томно, то ли насмешливо. – А можно и так сказать: придет время, будет и пора.

Сидевшая рядом Фаина в неизменной своей оранжевой епанечке с вытертым куньим мехом и накрепко привязанной к голове шляпе испуганно поглядывала на Лядащева. Она знала, что господин этот есть очень высокая шишка, человек для нее недосягаемый, посему боялась его, млела от чести находиться рядом, но не смела выказывать своих чувств, и только сильно накрахмаленные васильки, которыми ради весны украсила она свою шляпу, согласно и верноподданнически кивали на ухабах, вторя ее мыслям.

– Драгоценная Мелитриса Николаевна, – продолжал Лядащев, – позвольте совет... Страхивайте с себя неприятности, как собака страхивает капли воды, выходя на берег. Где ваша улыбка, черт побери?

Мелитриса не обижалась на эти слишком вольные замечания. Несмотря на явную грубость, в них звучала доброта. Ясно, он хотел утешить.

Наученная горьким опытом, Мелитриса не задавала вопросов. После своего неудачного побега в апреле она согласилась со всем, что предложил ей неутомимый страж Аким Анатольевич. Разногласия возникли лишь по одному поводу – какую роль будет играть сопровождающий ее Лядащев. Естественно, первой Акиму пришла в голову мысль сделать Василия Федоровича «батюшкой».

– Нет, – сказал Мелитриса. – Мой отец убит. И я никого и никогда не буду называть его именем.

– Тогда господин Лядащев может поехать в качестве вашего опекуна.

– Нет, опекун у меня уже есть.

Аким Анатольевич начал проявлять нервозность.

– Но ведь это все легенда... придумка, сочиненная для отвода глаз судьба ваша!

– Я никому не хочу отводить глаза, а ваш Лядащев может ехать со мной в качестве Лядащева. Я думаю, никому до этого нет дела.

– А вот и ошибаетесь, – в возгласе Акима прозвучало откровенное злорадство. – Для всех Василий Федорович будет выглядеть как ваш соблазнитель!

К глубокому удивлению следователя, Мелитриса согласилась на этот вариант, главное, чтобы светлые образы опекуна и отца оставили в покое. Более того, после жарких и продолжительных дебатов сам Аким Анатольевич согласился, что как бы Мелитриса ни называла Лядащева, обыватель все равно будет подозревать любовную интрижку, сам облик Василия Федоровича очень к этому располагал.

– Как хотите, так и называйте... хоть горшком, только в печь не ставьте.

Этой эпической по своей широте фразой и кончился их разговор, из которого явствовало, что и Аким, и сам Лядащев более всего полагались на ум и интуицию своей подопечной. Фаина ехала в качестве горничной или дуэньи, последнюю формулировку она предложила сама из-за природной склонности к романтизму. В дороге «дуэнья» была незаменима: она торговалась в харчевнях и на постоянных дворах, каким-то образом умудрялась доставать чистые, сухие простыни и свежий хлеб, а в те минуты, когда надобность в ней отпадала, умела становиться (это при ее размерах!) как бы невидимой. Высокий авторитет Василия Федоровича смыкал ее уста, она как-то ловко подбирала под себя ноги, на выдохе уминала бюст и, как таракан в щель, пряталась в тень какой-нибудь неприметной мебели, о Мелитрисе заботилась безукоризненно, со стороны даже самый зоркий наблюдатель мог предположить, что она очень любила свою подопечную. Но саму Мелитрису обмануть было нельзя, у нее и по сию пору стоял в ушах грозный рык: нет! никогда! Это было в тот день, когда она умоляла свою стражницу отослать записку опекуну – князю Никите Григорьевичу. Акиму не наябедничала, и на том спасибо.

Благополучно и незаметно пересекли границу Восточной Пруссии. Дороги стали лучше, а гостиницы чище, исчезли клопы, но прочим насекомым в мае жить не запретишь. Фаина необычайно ловко расправлялась с любой мелкой живой тварью, скажем, пауками или комарами, которыми так и кишели нижние гостиничные помещения. Большая ладонь уверенно и резко опускалась на гудящую невесомость. Мелитриса смотрела на свою дуэнью с уважением. Сама она из-за плохого зрения воевала с комарами без видимого успеха, ненавидела их люто и называла эту мелкую нечисть «тощими джентльменами в полосатых гетрах».

– Комары – англичане? – со смехом осведомился Лядащев.

– Ну... во всяком случае, враждебная, воюющая с нами держава... – Мелитриса помолчала, потом собралась с духом: – Господин Василий Федорович, я теперь, как вы говорите, агент. Расскажите наконец, в чем мои обязанности?

– Ужо приедем на место, княжна Мелитриса Николаевна, посмотримся, а там и получите все инструкции.

Мелитрисе очень не нравилось слово «инструкция», оно представлялось ей похожим на хрустких жуков, которыми так и гудит весенний вечер. Жуки тяжело бились о стекла, а потом падали на спину, неприятно перебирая лапками.

– А почему сейчас нельзя? – спросила Мелитриса с капризной поспешностью. – Вы говорили, что секунда умирает и я рождаюсь заново с новой секундой. Говорили ведь?

– Говорил-с, – степенно отозвался Василий Федорович.

– Но для меня сейчас по вашей милости время остановилось, замерло, как вздыбленный конь!

– Но уж наши-то кони несутся вскачь... Мы летим стремительно к цели...

– Это вы летите стремительно, а до других вам и дела нет. Я же вижу, как вам сейчас весело и как все ужасно любопытно! Вы ждете не дождетесь, когда приедете в свой Кенигсберг и займетесь своими шпионскими делами. Для вас это так интересно, как математические задачи решать. У вас словно у Пифагора глаза блестят, вам петь хочется, а я в этих задачках как бы ключ. Лежу себе покойно в вашем кармане. Где-то там в Кенигсберге в нужный момент вы меня в замочную скважину вставите, повернете, дверца и откроется. Но ключу ведь не объясняют, что это за дверь. А у меня на сердце такая тоска... и боль... Ненавижу ваши шпионские задачи!

– А что вы любите, Мелитриса Николаевна? – он явно уходил от ответа.

– Простые человеческие вещи. Я замуж хочу за любимого человека.

«Как не стыдно спрашивать! Вы ли не знаете?» – промелькнуло в голове у Мелитрисы.

– Есть, – сказала вдруг Фаина, заполнив собой паузу. Карета подпрыгнула на ухабе, и дуэнья захлопнула рот, вернувшись в состояние безмолвности и незаметности.

– Клянусь вам, Мелитриса Николаевна, что я в целости и сохранности доставлю вас вашему суженому. Во всяком случае, я сделаю для этого все возможное...

Мелитриса сочла за благо промолчать, отвернувшись, глядя в окно на пробегающую мимо изумрудно-желтую, птичьим щебетом наполненную весну. «Он сказал – суженый... Ах, как так... Кабы судьба его мне сулила. А то я все и за него и за себя придумала...» Лядащев тоже смотрел в окно на скудно оперившиеся березы, на буйные одуванчики, вот ведь вредный цветок, всюду проникнет, и думал: «Клятвы-то давать не шутка, исполнять будет потяжелее. Слишком тяжелое обвинение предъявлено этой девочке. И не в анонимном доносе, не в истерическом всхлипе, слово и дело, когда безвинного оболгать легче, чем малую нужду справить. Отравительницей Мелитриса названа в шпионской шифровке в Берлин... Тьфу на вас всех! Да, надо будет всем нам попотеть...»

Подбросив Акиму Анатольевичу идейку об использовании девицы Репнинской в качестве, как это ни грубо звучит, подсадной утки, Василий Федорович весьма отвлеченно думал об ее судьбе. Девица вляпалась в грязную историю, и кому же теперь отмывать запятнанную репутацию, как не ей самой. Спросим: справедливо ли так ставить вопрос? Вне всякого сомнения! А если трудно ей – не сахарная, не растает.

Но мысли эти хороши в чистом, академическом виде, то есть вдали от девицы, а когда она сидит напротив, скосив глаза в окно, и кутает цыплячью свою шейку в кисейный платочек, а в лице, украшенном только очками, полное отсутствие свойственного этому полу кокетства, а в уголке надутых губ взрослая, словно непосильными страданиями намеченная складочка... то так ее становится жалко, что против воли в мозг неторопливой совой впархивает мудрая мысль, вернее, вопрос: не послать ли все к чертовой матери и не повернуть ли лошадей назад, в Петербург? Право слово, справятся они с Сакромозо и без этой птахи. А если Тайная канцелярия и пронюхала что-либо, то ведь можно девицу от них спрятать...

Но лошади летели, Кенигсберг приближался. Где уж нам жить по мудрым-то мыслям? Мы уж по пути долга будем длить судьбу свою. А девиц чего жалеть? У них вся жизнь в мечтах. Вот уже и скорбь куда-то улетучилась, уже и улыбается...

Мелитриса не замечала пристального взгляда своего попутчика. По мере удаления от Петербурга тяжесть, теснившая душу ее подобно гробовой плите, истончалась, готова вскорости и вовсе исчезнуть. Девушка уже забыла, что на ней лежит страшное обвинение в отравлении государыни. Господи, да разве не понятно этим взрослым мужам, какой все это вздор, небывальщина? Для нее сейчас то реальность, что едут они в город, в коем обретается ее опекун – светлый князь Никита Оленев. Ах, как приятно думать об их встрече...

Кенигсберг встретил их теплым дождем, промытыми мостовыми и непривычными запахами, которые принес с моря ветер. А апартаменты в гостинице, видимо, были уже сняты, Лядащев уверенно назвал адрес. Гостиница была не из известных, да и район оставлял желать лучшего, потому что сколько ни расспрашивали местных жителей, никто не мог объяснить, где находится «Синий осел». Однако, когда диковинное животное, изображенное на вывеске гостиницы, было наконец обнаружено, выяснилось, что и улица недурна, и дом красив, и хозяин весьма похож на приличного человека, только толстоват, пожалуй, и усы крашенные. Путешественникам предоставили апартаменты на первом этаже: большая комната для барышни, проходная поменьше – для дуэньи, напротив по коридору комната для господина. Окна в комнате Мелитрисы выходили в небольшой, чистенький садик. Наверное, это стоило кучу денег!

В первый же вечер Василий Федорович исчез, к ужину не явился. Ели без него в комнате Мелитрисы. На пожелание пойти ужинать в общую залу Фаина ответила категорическим отказом. На следующий день Лядащев явился только к вечеру, был он весел, оживлен, всем доволен. В руках у него был огромный, как сундук, пакет в яркой обертковой бумаге.

– Распакуй, – сказал он Фаине. – Это платья для барышни. Фрейлина Их Императорского Величества с точки зрения немца должна быть великолепно одета, – он улыбнулся Мелитрисе, приглашая ее ознакомиться с обновками.

Платья были великолепны. Первое, бирюзового шелка с оборками а-ля полонез и юбкой из модного петинета, второе платье-колокол, затканное золотой нитью, подходило более для дамы, чем для девицы; без всякой примерки было видно, что оно будет Мелитрисе великовато. К нарядам прилагались перчатки до локтя и два зонта-подсолнечника.

Фаина только ахнула от такой красоты, а Мелитриса скользнула по ним рассеянным взглядом, провела пальцем по золотой тесьме – жесткая, как наждак.

– Василий Федорович, я платья потом примерю. А сейчас я хотела бы прокатиться по городу в коляске или пешком пройтись... А?

– Со временем, моя дорогая, со временем, – весело отозвался Лядащев.

– Вы хотите сказать, что я здесь тоже пленница? – гневно воскликнула Мелитриса. – И что мне прикажете делать?

– Ждать, мой ангел Мелитриса Николаевна. Теперь только ждать.

Приказ императрицы

В то время как наша героиня томилась в гостинице «Голубой осел», в город Кенигсберг из Петербурга были доставлены две весьма важные бумаги одинакового содержания. Первая бумага была вручена адмиралу Мишукову в тайном пакете. Ее привез курьер Ее Величества, расстояние от русской столицы до прусской он покрыл в три дня.

Вторая бумага – копия с первой – была привезена на почтовых бароном Блюмом и предназначалась для прусского резидента Сакромозо. Блюму стоило большого труда получить эту копию, он рисковал не только деньгами и будущей карьерой, но и самой жизнью.

Однако вернемся к сути бумаги. О той сложной и напряженной работе, которая происходила в 1758 году в кабинетах, штабах, полевых палатках и дворцовых покоях и касалась дел военно-морской секретной службы, осталось всего несколько документов. Один из них – приказ государыни Елизаветы адмиралу Мишукову «О совместных действиях русского флота со шведами в целях воспрепятствования проходу английской эскадры в Балтийское море».

В Петербурге англичан боялись. При одной мысли, что их флот может явиться в балтийские воды, начнет распоряжаться здесь и прочее, Елизавете становилось дурно. Морские баталии вещь хоть и красивая, но зело дорогая. Кроме того, британец может и на Петербург двинуть.

Приказ адмиралу Мишукову был продуман настолько детально, что сама собой вставала мысль о его невыполнимости. Петербургу бы приказать по-простому – не пропустить англичан, и баста! Но в Адмиралтейской коллегии тоже не даром хлеб ели. Вице-адмиралу Полянскому был расписан каждый шаг, каждый взмах весла и предполагаемое дуновение ветра, что надувает парус. Помянутый вице-адмирал должен был выйти со своей эскадрой (вскользь заметим, что эскадра еще находилась в Ревельской и Кронштадтской гаванях) к готландским берегам и там соединиться со шведской эскадрой под командой вице-адмирала Лагрба.

Далее в реляции очень подробно перечислялись как бы подводные камни, которые могли бы помешать адмиралу Мишукову выполнить приказ государыни: положим, наша эскадра уже пришла «к вершине тойского и готлибского берега», а шведских кораблей там пока нет; или со шведами еще не успели встретиться, а уж получили известие, что британцы на подходе, и т. д. Во всех этих неординарных и неотложных случаях адмиралу рекомендовалось советоваться с Петербургом и только в крайнем случае «действовать по усмотрению».

Не был оставлен без внимания и деликатный национальный вопрос, который неминуемо должен был возникнуть в означенной кампании. В Петербурге правильно рассудили: поскольку наших кораблей больше, то пусть нам шведы и подчиняются во всем кроме дел, касаемых экономики и дисциплины. Тут же отмечалось: «когда между солдатами и офицерами обеих наций произойдет вдруг непорядок и разногласия, неудовольствия и ссоры, то судить их надо по уставу своего государя и штрафы так же налагать».

Сидя в штабе вице-адмирала Полянского, капитан Корсак читал государев указ очень внимательно и все никак не мог добраться до сути: мирным отношениям русских со шведами в приказе пока отводилось куда больше места, чем войне с англичанами. Ага... вот это ближе к делу: «Как только будет получено известие о приближении английской эскадры к Балтийскому морю, соединенный русско-шведский флот должен занять узкий проход между Зеландией и островом Драга таким образом, чтобы ни к какой датской крепости приблизиться не могли...»

– Прочитал? – спросил, входя в комнату, вице-адмирал Полянский.

– Так точно, – Алексей щелкнул каблуками.

– Задачу понял?

– Но наша эскадра еще на подходе. А точнее сказать, мы не знаем, вышла ли она вообще из Ревельского порта.

– Не вышла, так выйдет, – обиделся вдруг вице-адмирал. – Ты что читал-то? – он выхватил из рук Алексея бумагу, пробежал по ней глазами. – Не тот экстакт дал, – проворчал он и, обращаясь к кому-то за стеной, крикнул на истерической, взвинченной ноте: – Извольте потрудиться и выполнять обязанности свои не вкось! – лицо адмирала быстро наливалось кровью, жилы на худом лбу вздулись как канаты.

Дверь беззвучно отворилась, возник невозмутимый младший чин. Без намека на испуг или подобострастие он принял из начальственных рук одну бумагу, вложил другую и так же беззвучно исчез. Вице-адмирал уставился в текст.

– Это другое дело, – пробормотал он и, обратившись к Корсаку, сказал важно: – О том, что английский флот направляется в наши воды, мы узнаем заблаговременно по тайным каналам. Но в Петербурге рекомендуют полагаться не токмо на тайные связи, но и самим не плошать, а посему нам надлежит, – он повернулся к бумаге и прочитал с выражением, – «послать один фрегат или корабль к самому Зунду под командой искусного и надежного капитана, дабы он за проходящим английским флотом присматривал и в случае надобности тотчас, оборотясь в Мемель, и рапортовал». Вот ты и поплывешь. Понял?

– Так точно.

– Ты можешь сказать, что слишком заблаговременно мы фрегат на Зунд[1 - Зунд – немецкое название пролива Эресунн.] посылаем, мол, наша эскадра еще не вышла, планы шведов еще туманны, только на бумаге... – адмирал выжидательно посмотрел на Корсака.

– Не скажу, ваше превосходительство, – улыбнулся тот.

– Вот и я так же думаю. Приказы в Адмиралтейской коллегии для того пишутся, чтобы их выполнять, а не подвергать беспрестанному обсуждению. Я так считаю: одного фрегата на Зунде мало будет. Надобно еще послать с тобой легкое быстроходное судно – флейт или галиот – для большей маневренности. Когда можешь выйти в море?

– Позволю просить себе пять дней для подготовки фрегата.

– Эван хватил! Трех хватит. Иди.

Вице-адмирал Полянский не дал Корсаку прочитать ту часть приказа – особо секретную, в которой упоминались недвусмысленные обязанности, возложенные на русских послов – князя Голицына в Лондоне и барона Корфа в Копенгагене. Послам рекомендовалось принять все возможные меры для разведывания планов англичан. Князь Голицын должен был узнать точную дату выхода в море английской эскадры, которая направлялась в Балтийское море. Эти сроки надлежало сообщить шифрованным письмом Корфу, чтобы тот, в свою очередь, нашел способ передать эти сведения скорейшим путем в Петербург. Полянский не афишировал эту часть приказа не из-за ее особой секретности, а из-за того, что не верил в шпионские таланты наших послов. Понятно, что они не сами будут шифровки писать, но все равно казалось мало вероятным, что князь Голицын сможет выведать у англичан особо важные тайны. Полянский вообще куда больше верил в визуальный способ слежки, за тем он Корсака и посылал.

Однако второй адресат, получивший копию с государева приказа, придерживался другого мнения. Сакромозо знал умение русских работать и приспособливаться к любым обстоятельствам, знал и «русское коварство». Душа князя Голицына была для него «потемки», поэтому именно эту часть приказа Сакромозо почитал главной.

В предыдущем нашем повествовании было много толков о мальтийском рыцаре Сакромозо – мол, где он да что подделывает. Скажем, что догадка наших героев была верна, Сакромозо жил в Кенигсберге под другой фамилией и как прежде служил не столько острову Мальте, рыцарям госпитальерам или Великому Фридриху, сколько истине, как он ее понимал. Время сильно изменило образ рыцаря, он располнел, подурнел, стал плохо спать, желчный пузырь работал

ни к черту, и хоть рыцарь лечился всеми возможными способами, по ночам у него была такая изжога, хоть криком кричи. Но голова по-прежнему работала превосходно. Сакромозо был весьма благодарен Блюму за привезенную бумагу и туг же простил маленькому барону все его грехи. Да и грехов-то, собственно, не было. В провале Брадобрея Блюм был не виноват, а вот в том, что пойманный русскими связной все еще молчал и не выдал сотоварищей и их местожительство, была несомненная заслуга Блюма – видно, умел барон работать с подчиненными.

– Как добрались?

– Благодарю. Благополучно. – Блюм улыбнулся подобострастно, но он уважал и побаивался Сакромозо, хотя знал его более понаслышке.

– Неприятностей на границе не было?

– Помилуйте, какая сейчас граница?

Сакромозо пропустил последнее замечание мимо ушей, только поморщился.

– Что нового в Петербурге? Получили шифровальное письмо с новым паролем?

– Новости петербургские я изложу вам письменно. Пароль получил и сообщил его... – Блюм вдруг споткнулся, почему-то ему не захотелось произносить имя Анны Фросс, – ...моей племяннице леди Н. Она все выучила, как я просил. Надеюсь, она не подведет.

Сакромозо понял, почему Блюм назвал резидентку не по имени, а по кличке. Уж, конечно, не из конспирации. Просто Блюм еще раз подчеркнул, что эта смазливая девица глупа, навязана ему против воли, он ее не любит, но любовниц больших людей не обсуждают. Знать бы, кто этот благодетель, подставляющий из-за тонкой талии и стройных ножек под удар лучших агентов.

Во всех этих домыслах Сакромозо был полностью солидарен с Блюмом. В крайне деликатном и щекотливом задании, как-то: отравить известную персону, рыцарь не видел ничего особенного или странного. Ясно, что в случае выполнения этого задания войне конец, а Пруссия закончит ее победительницей. Но дальше все

странно. Задание девица, судя по шифровкам, выполнила, Берлин ей рукоплещет, но Елизавета жива. Здесь можно предполагать что угодно. Например, что ввиду особо крепкого здоровья русской императрицы девица Фросс повторит свой роковой опыт, а может быть, лекарство, вернее, яд, столь длительного действия, что надобно просто проявить терпение. Во всяком случае, девица Фросс, она же племянница леди Н., как была в фаворе, так там и пребывала.

– Что прикажете делать дальше? – осторожно спросил Блюм. Ему явно не хотелось возвращаться в Петербург.

– Об этом подумаем. А пока вам надо выспаться. Спокойной ночи, барон.

Оставшись один, Сакромозо вернулся к копии приказа. Рыцарь знал, что князь Голицын в Лондоне собирает сведения о морском походе англичан против России, но он и предположить не мог, что схема доставки информации была разработана у русских настолько плохо. Хотя, может быть, это только на бумаге плохо, а как дойдет до дела, то все устроится самым лучшим способом. Русские странная нация. Вполне может статься, что распорядились в Петербурге из рук вон, а исполнители потом все довели до ума. Сакромозо еще раз перечитал бумагу. По сообщению шведского посла Пассе, шведы посылают десять линейных кораблей и четыре фрегата. Это не мало... Если, конечно, корабли эти плавают, а не черпают воду через борт. Надо сообщить в Лондон, подумал Сакромозо озабоченно, чтоб не откладывал дату выхода эскадры. Сейчас мы сильны как никогда, но время работает против нас.

Он заглянул в конец приказа и усмехнулся. Как предусмотрительны чиновники в Петербурге! Последний пункт приказа императрицы гласит: «Впрочем, само собой разумеется, что ежели б английская эскадра силой превосходила вашу и на подкрепление шведов худая надежда была б, то надлежит вам, не подвергая себя опасности, к нашим портам ретироваться, смотря однако ж, дабы сия ретирада[2 - Ретирада – отступление.] ни одновременно, ниже напрасно учинена была, ибо она никогда, кроме самой крайней нужды, извиняема быть не может».

Руководство к действию

Лядащев начал давать инструкции через неделю после приезда в Кенигсберг. Инструкций было много, и Мелитриса думала с горечью: «Словно тараканов выпустили на волю, и они прыснули в разные стороны, попробуй запомни, какой из них первый, а потому главный». Лядащев был не похож на себя: строг, серьезен. Давая инструкции, он вышагивал по комнате, доходя до стены, резко поворачивался и опять печатал шаги, утвердительно взмахивая в такт рукой. Слушая его, Мелитриса смотрела в окно, Лядащеву казалось, что она рассеяна, не собрана и вообще не дает себе отчета в важности услышанного, и он повторял время от времени:

– Сосредоточьтесь, княжна, сосредоточьтесь, мадемуазель... это важно!

Зачем повторять прописные истины с таким жаром? Она все отлично запомнила. По приезде Лядащев от ее имени послал письмо в Торговый дом (название его она немедленно забыла) некоему господину С. Сейчас наконец от господина С. пришел ответ, из которого явствует, что он знает о фрейлине Репнинской, рад ее приезду и готов с ней встретиться. Место и время встречи будут оговорены особо, то есть еще одним письмом, присланным в гостиницу «Синий осел».

– Это письмо мы надеемся получить завтра, – важно присовокупил Лядащев.

– Мы – это вы и я?

– Не только. Мы – это весь секретный отдел, то есть группа лиц, которая работает в Кенигсберге во имя победы и во славу России. И от вас, Мелитриса Николаевна, от вашего мужества и поведения зависит исход этого благородного дела.

Мелитрису передернуло, как от озноба, но она тут же взяла себя в руки, мол, продолжайте. Однако нервное содрогание ее можно было истолковать не только как страх, свойственный девице, но как откровенное сомнение в том, что к шпионским делам можно приставить эпитет «благородные». Во всяком случае, Лядащев именно так и понял и, что неожиданно было при его уме и насмешливости, вдруг обиделся и принялся на разные лады ругать Мелитрису за отсутствие патриотизма.

Мелитриса слушала его внимательно и настолько невозмутимо, что Лядащев уже готов был обвинить ее в забвении памяти отца, но вовремя опомнился, облачив свой гнев в более невинные слова:

– Что меня удивляет, так это умение девиц делать что-то со своими глазами! Они вдруг становятся фарфоровыми, совершенно теряя осмысленное выражение. Я ни в коем случае не хотел вас обидеть, но ведь и вы эдак же...

– Давайте по инструкции, Василий Федорович... Продолжайте.

– Продолжим, – тут же согласился Лядащев, употребив множественное число, словно говоря от имени всего секретного отдела.

Правильно говорит пословица: дальше в лес, больше дров. Оказывается, завтра Мелитриса будет встречаться с господином С., то есть главным резидентом, которого зовут Сакромозо. Кто такой Сакромозо? Он, оказывается, рыцарь, как во времена Дон-Кихота. Смешно...

Далее... Сакромозо умный и сильный враг, более того, он удачливый человек, но мы, то есть русский секретный отдел, должны его переиграть... потому что мы о нем мало знаем, а он про нас, то есть об истинных целях Мелитрисы, не знает ничего.

– ...Кроме того, душа моя, что вы отравительница, – добавил Лядащев деловым, уверенным тоном.

– Помилуйте, зачем вы мне этот вздор говорите? И потом, я-то как раз про вашего Сакромозо ничего не знаю, – взорвалась Мелитриса.

– Расскажу, – Лядащев доверительно положил руку ей на плечо. – Все расскажу... со временем...

Поставленная перед Мелитрисой задача показалась ей возмутительной, вызывающей, нескромной: понравиться Сакромозо, войти к нему в доверие и доказать, что в ней, Мелитрисе Репнинской, есть большая нужда в Берлине.

– В Берлин я не поеду, – быстро сказала Мелитриса.

– Это я образно сказал, надеюсь, что до Берлина дело не дойдет. Сакромозо будет вам задавать вопросы для того, чтобы проверить вас, кроме того, он захочет получить через вас секретную информацию.

– Какую еще?

– Все, что надо, мы напишем. Пусть вас это не волнует. Главное, чтобы он вами заинтересовался. Вы скажете Сакромозо, что привезли шифровку.

– Это еще что за крокодил вавилонский – шифровка? Это бумага?

– Да, письмо в цифрах. Запомните, вы привезли ее из Петербурга в каблучке. Туфельки уже готовы.

На лице Мелитрисы изобразилось такое глубокое изумление, а вытаращенные глаза настолько стали напоминать благородный китайский материал, что Лядащев расхохотался.

– Что вы так оторопели? Это обычный способ перевозить секретную почту. И еще в шляпах, в локонах, в поясах, в тростях – да мало ли...

– Господни Лядащев, но как я отдам эту... шифровку? А если у меня спросят, откуда она у меня? Что я отвечу?

– Надеюсь, вы шутите, – грустно усмехнулся Василий Федорович, весь его вид говорил – как с вами, красавица, трудно... просто невозможно разговаривать. – Вы не должны допускать самой возможности такого вопроса! Разговор с Сакромозо надо построить на том, что рыцарь безусловно сам знает, от кого вы в Петербурге получили шифровку. А если он это знает и вы, в свою очередь, знаете, то что об этом говорить?

– А если Сакромозо свои домыслы выстроит на том, что об этом как раз и надо говорить? Если он вздумает меня проверять?

Лядащев почесал кончик носа, словно помогая себе правильно оценить ситуацию.

– Если Сакромозо будет настаивать на ответе, то вы... Запомните, это важно! Вы скажете, что шифровку взяли в тайнике. Теперь нам надо придумать этот тайник, и чтоб без дураков, чтоб все достоверно.

Вначале Лядащев придумал тайник в Новом пешеходном мосту через Мойку. Этот мост десять лет назад построил архитектор Растрелли, и его по сию пору зовут Новым. Мыслилось так: на растреллиевском мосту, где все: позолота, оконные проемы с карнизами и фигурными наличниками, каждая ваза – может быть тайником, а главное, он расположен близко от императорского дворца.

Сам придумал, сам передумал. Лядащеву не понравилось, что слишком тамлюдно, посему было решено устроить тайник в фонаре на въезде в Семионовский мост. В массивной подставе фонаря, оказывается, один кирпич вынимается, в этой нише письмо спрятать легче легкого. Остановились перед мостом, нагнулись, будто бы пряжку на башмачке поправить, кирпичик незаметно отодвинули.

– Причем это все не придумка, – веско сказал Лядащев. – В нашем деле все должно быть точно. Я сам этим тайником пользовался.

– Это я поняла, – нетерпеливо перебила Лядащева Мелитриса. – Но кто положил в этот тайник для меня шифровку? Я-то должна это знать.

«Дотошная девица, – с уважением подумал Василий Федорович. – При этом спокойна и холодна. Голос что хрустальный ручей... Может, и будет от нее польза...»

– Ладно. Расскажу вам суть дела. Некоторое время назад мы поймали вражеского агента. Он русский, но служил пруссакам. Назывался он у них Брадобрей. Кое-что мы у него узнали, например, пароль, с коим вы пойдете, и еще кое-что, по мелочам. Настоящего разговора с Брадобреем не получилось, потому что он умер в лазарете.

– От пыток? – прошептала Мелитриса с ужасом, и Лядащев увидел, как щеки девушки заливает густой, брусничный румянец.

– Нет, девочка, не бойтесь, – сказал он мягко. – Никто этого Брадобрея не пытал. Он болел сердцем, а при аресте, видно, перепугался, и у него случился кровавый

прилив к мозгу. Так лекарь в госпитале сказал. У него отнялась речь. Потом частично вернулась. Допрашивал агента один человек, он не по нашему ведомству – некий капитан Корсак.

– Его зовут Алексей? – встрепелась Мелитриса. – Он друг князя Оленева.

– Он самый, – кивнул Лядащев.

Девушка вдруг засмеялась со счастливыми нотками в голосе.

– Я никогда не видела Корсака, но князь Никита рассказывал о нем. Я верю, что этот капитан не сделает ничего дурного. Продолжайте, Василий Федорович.

– Продолжаю, – Лядащев обрадовался, что в Мелитрисе проснулся живой интерес. – Капитан Корсак нашел к агенту подход. Во всяком случае, все, что нам Брадобрей сообщил, было его предсмертной исповедью. Но из всего, что я здесь рассказал, вам надо помнить только одно: шифровку в тайник положил Брадобрей. На всякий случай его словесный портрет: ему около сорока, лицом неприметен, голубоглаз. Но поминать его можно только в самом крайнем случае, если будет задан прямой вопрос. Вы меня поняли?

– Что в этой шифровке? Какое ее содержание? – Мелитриса с трудом привыкала к плоскостопому шпионскому несообразному языку.

– Вам этого знать не надо. Приказали, вы исполнили. И все! А любопытство большой грех, – возвысил он голос, видя, что Мелитриса пытается отстаивать свои права. – Так уж в нашей службе принято – не знать ничего лишнего, подальше от греха.

Маленькая цифирная записка, аккуратно уложенная в полый каблучок правой сафьяновой туфельки, таила в себе ничего не значащую информацию о партикулярной верфи в Петербурге. По перехваченной у Брадобрея шифровке виден был круг его интересов.

Лядащев предполагал, что в Берлине уже знают об аресте Брадобрея, но он не мог знать, что маленький барон Блюм, собиравший сведения о русском флоте, находился уже в Кенигсберге. Добывать и переправлять сведения о русских

кораблях сейчас в Петербурге было некому, поэтому по предъявлении шифровки из каблучка Мелитриса была бы непременно разоблачена.

– А пароль?

– Пароль надо учить наизусть. Он странный. Это латынь. То есть обращаетесь по-немецки: «Доблестный рыцарь!»... Обращение также часть пароля. А дальше латынь. Я вам тут на бумажке написал. Когда выучите, сожгите бумажку на свечке. Или нет, еще забудете, лучше отдайте мне. Я сам сожгу.

Ну вот и все. Инструкции наконец получены. Мелитриса ушла в свою комнату. Боже мой, как все это глупо! Видел бы папенька покойный, в какую неприятную историю вляпалась его любимая дочь. Да что – вляпалась, в капкан попала. Но почему? Чем она прогневила Господа? Наверное, грешной и запретной своей любовью... Может быть, другого мужчину любить и угодно Богу, а этого нет. Потому что он старше ее, он опекун, он должен быть как отец, а она голову потеряла. Потеряла и не хочет ее найти, чтобы водрузить на место. Мелитриса засмеялась сквозь вдруг набежавшие слезы. Не могу... Или не хочу? А может быть, это одно и то же? Молитва ее кончилась обычным вопросом и обычной мольбой: «Господи, можно мне его любить? Можно?.. Где ты, мой любимый? Господи, где он?»

По дороге в Кенигсберг ей казалось, что, добравшись до места, она сразу поймет, что делать. Если гулять по центральной улице каждый вечер, то в течение недели, ну, двух, она непременно встретит князя Никиту. А на месте оказалось, что город огромен, окраины чисты и вполне пригодны для обитания приличного человека. Так где же его искать?

Да и в этом ли дело? Она стоптала бы три пары башмаков железных, притупила три посоха кованых, чтоб найти своего Финиста, но ведь в Кенигсберге ее попросту не выпускают из гостиницы. Она опять пленница и подчинена чьей-то злой воле.

Но не надо падать духом, надо надеяться на лучшее. Лядащев не злой человек. Если ее встреча с Сакромозо пройдет удачно и Лядащев останется доволен, то по возвращении в гостиницу она попросит его помочь, чтобы отыскать ее опекуна.

– Лядащев не откажет, он друг, – прошептала Мелитриса, перекрестилась, поднялась с колен и развернула бумажку с паролем. – *Redeamus ad arietes nostros*, – прочитала она латинский текст, законченный переводом. – Вернемся к нашим баранам... – она невольно рассмеялась, – одни бараны кругом, а если не бараны, то овцы.

Встреча в саду вблизи замка

Ожидаемое письмо, вернее, небольшую записку, передала горничная: это для мадам, принес мальчик, нет она его не знает, нет, он не просил денег за услуги... Еще несколько «нет» и, сжимая в кулаке монетку, горничная удалилась. Это была белесая, сдобная, любопытная и необычайно самодовольная особа. Разговаривая с Мелитрисой, она надменно кривила губы и зыркала по углам, ожидая увидеть там что-то запретное и тайное.

«Они нас все презирают, – с обидой подумала Мелитриса. – Мы победители, а они не только нас не боятся, но всегда готовы оскорбить. И при этом улыбаются слащаво...»

Лядащев меж тем развернул записку. Она была немногословной. В восемь вечера за фрейлиной будет послана карета, на встречу фрейлина должна явиться одна, после приватного разговора она будет доставлена в эту же гостиницу – вот точный ее перевод. Самой длинной была последняя фраза: «Податели сего рассчитывают на понимание, скромность и предусмотрительность фрейлины, письмо предназначено только для ее глаз, по прочтении сжечь».

– Ну вот, Мелитриса Николаевна, и дожили вы до серьезного дня. Где ключ, там и скважина. Помните, что вы мне говорили? – глаза Лядащева азартно блестели.

– Ничего я не помню, – Мелитриса от возбуждения топнула ногой. – Я вообще боюсь ехать. Я трусиха! Я вас предупреждала...

– Опять все сначала, – Василий Федорович поднял глаза горе, как бы призывая Всевышнего в свидетели.

– А вы как думали? – в голосе девушки звучали слезы. – Вы только вообразите, как это глупо! Я вхожу в дом к совершенно незнакомому человеку, я ему не представлена, и вместо того, чтобы поздороваться, а потом завести какой-нибудь вежливый отвлеченный разговор, я брякаю про каких-то дурацких баранов, да еще на латыни. Девицам не пристало знать этот язык. Я не синий чулок!

– Но ведь это пароль, – застонал Лядащев, черт бы побрал этих светских восемнадцатилетних дур. – И потом, это всем известная пословица, ее не возбраняется знать даже фрейлине Ее Величества!

– Ответ тоже пословица? Ваш Сакромозо мне должен сказать: «Не бойтесь...» как это... «*ovem lupo committere* – доверить овцу волку». Получше вы не могли пароль придумать? Это просто неприлично!

«Вы бы лучше за жизнь свою поостереглись», – подумал Лядащев машинально, и мысль эта его отрезвила, пропало раздражение, под рукой оказались и нужные слова, и участливый тон:

– Такова наша работа, дружок мой. И помните, что каждым своим шагом вы мостите дорогу, ведущую вас к вашему избраннику и счастливой, не запятнанной ложью жизни.

– Я запомню ваши слова.

Конец разговору положила Фаина, явившись с платьем бирюзового шелка. Серебряная тесьма украшала только лиф и рукава, оборки были восхитительны, целый каскад кружев, пенящихся у локтя, словом, все было каприз, движение и легкость. При эдаком модном лифе у Мелитрисы даже бюст обозначился, и вообще она стала похожа на красавицу Настин Гагарину, фрейлину из свиты великой княгини. Фаина без всякого каркаса соорудила вполне приличную прическу, благо волос было достаточно. Букли на затылке были украшены мелкими розочками.

Лядащев придирчиво осмотрел Мелитрису, улыбнулся, довольный, но, увидев в ее руках кожаный футляр, воскликнул:

– Только очки не надевайте!

– Глупости какие! – на той же ноте воскликнула Мелитриса. – Как же иначе я все увижу?

Час отъезда неумолимо приближался. Приехавшую карету – она появилась минута в минуту – Мелитриса увидела в окне и тут же вскочила, вытянулась в струнку, оборотив к Лядащеву побледневшее лицо.

– Споко-о-й-но, – прошептал тот. – Я выйду вас проводить. В записке это не возбраняется.

Он надел шляпу с полями, которая наполовину скрывала его лицо, взял под руку Мелитрису, тесно и плотно, словно в тиски, сжал локоть и решительно направился к двери.

Двухместная карета была неказиста, имела вид заказной, во всяком случае, человек на козлах выглядел как подлинный кучер, а не совмещавший в себе много профессий агент. Впрочем, кто их там разберет? Он внимательно посмотрел на вышедшую из гостиницы пару.

– Графиня Грауфельд, – назвалась Мелитриса вымышленным именем и спросила по-немецки: – Вы за мной?

Кучер неторопливо соскользнул с козел. Он был низкоросл, степенен, толстые икры ног его были обтянуты белоснежными чулками (которые больше всего успокоили Мелитрису – не может негодяй носить такие белые чулки!), голову кучера украшала шляпа с кокардой.

– Едет только дама, – сказал он хмуро и неожиданно так ловко оттолкнул Лядащева, что тот немедленно усомнился в первом своем мнении о нем.

Дверца распахнулась, с легким щелчком отвалилась подножка. Мелитриса впорхнула в карету, миг, и вот уже мнимый кучер вскочил на козлы, занес кнут

и пустил лошадей вскачь.

– Однако... – пробормотал Василий Федорович, – все равно догоню мерзавца...

Оседланный конь стоял за углом гостиницы под каштанами, добежать до него было делом минуты, но, оказывается, далеко поставил и долго бежал. Когда Лядащев свернул на безлюдную улочку, кареты и след простыл.

– Шалишь, милый, – прошептал Лядащев, – я твою карету хорошо запомнил. Отыщу, чай, не иголка...

Мелитриса сидела в карете ни жива ни мертва. Она боялась, что ей завяжут глаза, Лядащев предупреждал о такой возможности, но нет... от нее не скрывали пути, по которому везли в неизвестность. Она отодвинула занавески и смотрела на пробегающие дома очень прилежно, но скоро совершенно запуталась. Кучер то и дело сворачивал на новую, очень похожую на предыдущую улочку, которая разнилась от предыдущей только расположением канала, раньше он был слева, теперь справа, сейчас опять слева, и все те же аккуратненькие домики, построенные фахверком, палисады с цветущими настурциями, бегониями, за домами сады. Скоро цветущие палисады сменились более строгим пейзажем, трехэтажные и выше дома стояли теперь сплошняком, деревья исчезли, подковы лошадей цокали о брусчатку. Но и на этих улочках карета отчаянно вихляла, парящий над городом замок прусских королей, хмурое, стоящее на холме сооружение, мелькал то слева, то справа. Мелитриса вертела головой как птица на ветке, от этого бессмысленного верчения ее стало поташнивать.

Но самый длинный путь имеет конец. Еще один поворот, и карета въехала под кирпичную арку и покатила по узкой аллее из молодых лип. Парк, вернее сад, казался безлюдным, но вдруг из кустов вышел мужчина со злым, внимательным лицом. Но Мелитриса смотрела не столько на его лицо, сколько на руки, они были очень длинными и сильными, словно у гориллы. Карета остановилась, длиннорукий о чем-то бегло заговорил с кучером. Они говорили очень тихо, и Мелитриса слышала только отдельные слова. Рефреном шло «господин ждет» и «господин сердится». Судя по интонации, кучер все время оправдывался. «Еще мне не хватало рассерженного господина, – с испугом подумала Мелитриса. – Только бы он не кричал, а то я забуду все». Карета тронулась, и Мелитриса поспешно задернула штору, прячась от изучающего взгляда длиннорукого.

И минуты не прошло, как карета опять остановилась. Кучер распахнул дверцу, и Мелитриса ступила на усыпанную гравием дорожку. Глазам предстал белоснежный особняк в стиле барокко, над дверью и окнами его лепились раковины, завитушки и листья аканта с виноградными гроздьями. Ушастые фавны поддерживали маленький балкон, словом, особнячок был украшен на самую пышную руку.

Из подъезда вдруг вышел худой, как трость, мужчина в черном сюртуке и сказал строго:

– Прошу...

«Как мне все это не нравится, – подумала Мелитриса и вступила в прихожую, отметив про себя, что черный даже не поклонился толком, а лишь головой кивнул. – Что это? Простая невоспитанность? Или люди, принимающие ее, считают такое поведение естественным с отравительницей?» Внутренне она поежилась, поняв вдруг до конца, какую неблагоприятную роль выпало ей играть. Лядащев говорит: они враги, они пруссаки... но сознаемся, ей куда симпатичнее обычные пруссаки, чем русская отравительница. В конце концов это невыносимо, право, сейчас она заплачет!

– Обождите здесь, – сказал черный и исчез.

Мелитриса осмотрелась, комната была просторной, уютной, с камином, книгами и кабинетным бильярдом в углу. Окна выходили в парк, одно из них было полуотворено, и Мелитриса поспешила к нему, свежий воздух казался сейчас спасением. Смеркалось... У подъезда зажегся одинокий огонь.

Что-то не торопится господин Сакромозо... Дверь в соседнюю комнату была закрыта драпировкой со множеством складок. Мелитриса мельком бросила на нее взгляд, тут же появилось ощущение, что за ней подсматривают. Не иначе, как за драпировкой кто-то прячется. Глупости какие... Зачем? А может, это часы за ней следят, циферблат отдаленно напоминал женское лицо. Уже девять... с минутами... Подумать только, ее целый час возили по городу.

Ей захотелось, как в детстве при игре в прятки, подкрасться на цыпочках к двери и схватить всю драпировку в охапку, чтобы два вопля – ее,

торжествующий: нашла! – и испуганный прячущегося – слились в один.

Драпировка раздвинулась... Вошедший, мужчина около тридцати, даже, пожалуй, меньше, был бледнолик, изящен, строен – все соответствовало описанию Сакромозо. Мелитриса сделала глубокий книксен и прошептала:

– Вернемся к нашим баранам, мой доблестный рыцарь...

Рыцарь смотрел на нее во все глаза, он даже улыбаться забыл, так поразил его облик юной Мелитрисы.

– Вернемся же наконец к баранам, – повысила голос девушка, требуя ответного пароля.

– Да, да... Не бойтесь доверить овцу волку...

– На латыни, пожалуйста...

Мужчина поклонился и насмешливо проговорил:

– ...Ovem lupo committere... Добрый вечер, мадемуазель. Я получил ваше письмо. Не скрою, ваше появление в Кенигсберге – неожиданность. Чем или кому обязан?

– Ах, сколько можно повторять. Я уже писала, – Мелитриса приняла чопорный вид. – Пользуясь инструкциями людей вам известных, я выполнила поручение Берлина. Здоровье государыни Елизаветы было подорвано, но... не до конца, – она жеманно улыбнулась. – Надо было усилить дозу и повторить... Но я обнаружила за собой слежку... Да, да, очевидно, я была у них на подозрении, – «у кого это – у них? Какая чушь!» – пронеслось в голове у Мелитрисы, но она продолжала еще более уверенным тоном, – опасаясь ареста и Тайной канцелярии, я бежала. Мой опекун последовал за мной.

– Вы говорите о господине, который живет с вами в гостинице? – в голосе Сакромозо не было и намека на фривольный тон.

Мелитриса с достоинством кивнула.

– Он знает о вашей роли в этом деле?

– Вы имеете в виду порошок? Нет, не знает. Но он верный человек. Я могу его вам представить.

– Нет, нет, пока в этом нет необходимости...

«Экая шельма, – подумал меж тем бледнолицый хозяин, – бежала с любовником и еще пытается заработать на этой ситуации! Но в этой девице определенно что-то есть... обескураживающее. Худа, очкаста, неестественна... И главное, совершенно непохожа на то, что он ожидал увидеть. Не подтверди сидящий за драпировкой Блюм – точно, она, Мелитриса Репнинская, отравительница – он бы ни за что не поверил. Вообще с этими отравительницами история до чрезвычайности темная. Блюм несет какой-то вздор про “свою племянницу леди Н.”. Пока они никого не отравили и серьезно относиться к ним могут только в России. Берлину нужен результат, а в Петербурге только за идею отравления могут наказать кнутом, вырезать язык, посадить в колодки – как они там называются?»

– Вы позволите один нескромный вопрос? – голос собеседника прозвучал вкрадчиво, даже интимно. – Вы фрейлина королевы... Зачем вам понадобилось? – он сделал вид, что смешался.

Мелитриса передернула плечом. Секретные туфли нестерпимо жали, и вообще ее несказанно раздражал этот важный, напыщенный господин.

– Вы заставляете меня разочаровываться в выбранном пути. Мне обещали богатство, самостоятельность. Будучи фрейлиной, я не имела ни того, ни другого. А ваши люди обещали мне возможность жить в Европе.

– Понимаю, – в руках Сакромозо появился кошелек. – Здесь 500 талеров. При скромной жизни в Берлине вам хватит этого до старости.

– Не уверена, – быстро сказала Мелитриса, чувствуя, что беседа потекла куда-то не в нужную сторону. – Если считать старость тридцать лет, то, может быть, вы и правы, а если сто? – она рассмеялась и сама порадовалась, как естественно прозвучал ее ответ. – Если вы не имеете возможности заплатить, то дайте

возможность заработать. Вернемся к нашим баранам. Я привезла шифровку.

– Вот как? – Сакромозо явно удивился. – От кого?

– Вам это известно лучше меня.

Сакромозо не стал настаивать, он молча протянул руку. Мелитриса искала глазами, куда присесть, и тут опомнилась. Это, право, никак не возможно. Защитной была мысль – Лядащев велел любым способом добиться повторного свиданья, но главное, что ее смутило, – необходимость при незнакомом мужчине стоять босиком. Разве это мыслимо – снять туфлю и протянуть ему, как бокал с вином. А может, у туфли подкладка мокрая от пота, недаром она жмет. Все эти шпионские игры – верх неприличия!

– Шифровка осталась в гостинице. Я по рассеянности надела не те башмаки. Я везла ее в каблучке, – добавила она, потупясь.

Шут их разберет, шпионов, то улыбался, прямо лучился весь, то вдруг хмурый стал и смотрит исподлобья. Мелитриса отступила к окну, ноги ее не держали, ей хотелось если не сесть, то хоть прислониться к подоконнику.

– Не оглядывайтесь, – услышала она вдруг шепотом из темноты, казалось, Лядащев говорил ей в самое ухо. – Это не Сакромозо.

По телу ее пробежала дрожь от затылка до пяток. Может быть, ей все это просто почудилось? В самом деле, где здесь может прятаться Лядащев. Она оборотилась к окну, скосила глаза... Колонну у входа обвивал плющ, он же вился по стене, цепляясь за раковины и завитки лепнины.

Басовито и крепко начали бить часы. Неужели она целый час ведет этот странный коварный разговор? За голос часов надо держаться, как за здравый смысл.

Мнимый Сакромозо дождался конца боя, потом сказал внятно и четко:

– Я не верю, что вы привезли шифровку.

– А я не верю, что вы Сакромозо, – парировала Мелитриса. – Я готова была ответить на все ваши вопросы. Вы же не задали мне ни одного.

– Так вы берете деньги?

– Нет, мой господин. Я буду разговаривать только с рыцарем Сакромозо. Вы должны запомнить, что я дорого стою. Не машите руками... Не я сама, но моя тайна. Вряд ли Европа оценит поведение Берлина как положительное и достойное уважения. Отравить императрицу... фи! В России, между прочим, тоже не дураки.

Хозяин особняка сделал шаг к Мелитрисе, вид он имел до чрезвычайности нахмуренный.

– Вы угрожаете?

«Еще один шаг – и мне останется только одно – упасть в обморок», – пролепетал внутренний голос, а ее реальный произнес глубоко и внятно:

– Предупреждаю. – Она склонилась низко.

– А ведь можно прямо сейчас сдать вас русским... в Тайную канцелярию.

– Вот уж глупо, – она рассмеялась. – Во-первых, я от всего отопрюсь, а во-вторых, во время ареста уже не перепутаю туфли. Отвезите-ка меня лучше в гостиницу. В «Синем осле» я буду ждать встречи с настоящим Сакромозо. Поддельные мне не нужны!

Опасная суета

– Ах, Василий Федорович, наконец-то все позади! Правильно ли я вела себя? Я так боялась!

– Все правильно, голубушка Мелитриса Николаевна. Спасибо вам.

У Мелитрисы на щеках некрасиво алели два пятна, и она прикладывала к лицу пальцы, пытаясь остудить выходящее наружу тепло. Руки предательски дрожали. Ей столько еще хотелось спросить у Лядащева, но тот прервал все попытки:

– Спать, спать... Все разговоры завтра.

И исчез на сутки. Когда же он наконец появился, как всегда самоуверенный, насмешливый и раздражающе загадочный, Мелитриса не могла скрыть обиды. Как посмел он бросить ее одну в столь ответственный момент? Почему здесь с ней обращаются как с марионеточной куклой?

– Ну почему же – куклой? Просто служба моя такова, – неспешно принялся за объяснения Лядащев, – что требует неусыпного внимания и неотложного присутствия. А сейчас мы будем ужинать. Это вам, – жестом фокусника он достал из-под стола плетеную корзину с длинной ручкой, украшенной бантом. Корзинка была полна черешни, каждая с черенком, чудо как хороша!

– А можно задавать вопросы?

– И даже получать ответы, – он весело рассмеялся.

Однако Василий Федорович явно поторопился с обещаниями. Девица была наблюдательна, умна и любопытна, посему часто приходилось отвечать: не знаю... там посмотрим... а уж это, милочка, нас никак не должно касаться! Но Мелитриса не обижалась.

– Если вы не знаете, как выглядит этот ваш Сакромозо, то почему крикнули мне в ухо – это не он? Хозяин дома очень подходил под ваше описание.

– Это он десять лет назад подходил. А сейчас тому рыцарю под сорок.

– Что значит – тому? Вы думаете, что в Кенигсберге какой-то другой человек скрывается под этой фамилией?

– Не исключено. Но честно говоря – не знаю. Однако Я знаю точно, кто принимал вас в белом особняке – некто Цейхель.

– А кто он – этот некто?

– Переводчик, он служит в замке в русской канцелярии. Для нас большой успех – выйти на Цейхеля.

– Его надо немедленно арестовать! – запальчиво крикнула Мелитриса. – Вы это сделали?

– Вот это, сударыня, не должно вас интересовать.

Лядащев не мог сказать Мелитрисе, что весь день ухлопал на поиск пропавшего вдруг Цейхеля. Переводчик не явился в службу, дома его тоже не было. После обеда на улице Траггейм появился маленький лоток на треноге. Простодушного вида купец торговал булавками, шнурками, необычайно вонючей ваксой и пудрой для париков. Вид у купца был отвлеченный, он смотрел поверх голов редких покупателей. Если бы кто-то проследил траекторию его задумчивого взгляда, то понял бы, что он направлен как раз на окна второго этажа, где находилась квартира Цейхеля. Пока это наблюдение не принесло результатов.

– Теперь вы будете следить за белым особняком?

Лядащев хмыкнул.

– Особняк пуст. Он принадлежит барону Крафту. Крафт-сын сейчас в армии Фридриха, Крафт-отец уехал из города, как только в него вступили наши войска. Сейчас в особняке живут только сторож с женой да старый конюх.

– Их допрашивали? – деловито осведомилась Мелитриса.

– А вы входите во вкус, – развеселился Лядащев. – Зачем же их допрашивать? Они наверняка скажут, что ничего не видели и не слышали. Зато любой разговор может их спугнуть. Вообще, наблюдая за ними и не обнаруживая себя, можно получить куда больше информации.

– Странная у вас работа, – заметила Мелитриса, принимаясь за десерт. – Вы знаете, кто враг, но не арестовываете их, – она выплюнула косточку

от черешни в кулак. – Наверное, ваши противники тоже вас знают, но не чинят вам никакой беды... просто наблюдают. Эдак-то просто наблюдая, вы столько гадостей можете наделать. И не столько им, сколько самим себе.

Лядащев посерьезнел, словно тень от листьев невидимой ветки пробежала по лицу его, глаза потемнели и застыли напряженно.

– Война вообще гадость, но без нее нельзя. А выигрывает тот, кто больше узнает и первым ринется в бой. И тогда уж накрывают всех одним махом.

– А мне что делать?

– Ждать!

– Чего? Чтобы и меня одним махом?..

– Ни в коем случае. Я сумею защитить вас, чтобы...

– ...целой и невредимой вернуть в руки моему избраннику, – закончила Мелитриса с бесстрастной и четкой артикуляцией. – А теперь вы меня послушайте. Вы знаете, я согласилась поехать в Кенигсберг только потому, что сюда направился мой настоящий опекун. Вы знаете, в чем он меня подозревает. Мысль эта не-пе-реносима! Я должна найти его. И вы должны помочь мне в этом.

Лядащев отвел глаза и неопределенно пожал плечами. Мелитриса готова была поклясться, что он смутился, это Лядащев-то!

– Всему свое время, – сказал он наконец. – Но для начала я должен поведать вам одну историю. Она касается двух людей – князя Оленева и рыцаря Сакромозо.

– Как? Разве они знакомы? – Мелитриса так и подалась вперед.

– Нет. Но судьба свела этих людей очень близко.

Поначалу Лядащев не собирался посвящать девушку в события десятилетней давности, более того, ему не хотелось окрашивать ее нейтральное отношение

к Сакромозо в черный цвет из боязни, что она наделает глупостей. Но сейчас он не видел другого способа заставить ее отказаться от поисков Оленева (не мог же он сообщить, что его письмо о поездке в Пруссию подделка) и сосредоточиться на работе, которую от нее ждали.

Итак, Сакромозо... Мелитриса слушала, не перебивая рассказчика ни словом, ни жестом, а потом, сославшись на головную боль, быстро ушла в свою комнату.

Услышанное потрясло девушку. То, что ее судьба тоже соприкасается с Сакромозо, казалось ей чудом и знаком небес. Весь последующий день она провела в кресле у окна. Фаина была уверена, что ночью Мелитриса «вообще не ложилась, разобранная постель была не смята, а ночная сорочка, которую она собственноручно повесила на спинку стула, встретила утро на том же самом месте.

Как уже упоминалось, окно из комнаты Мелитрисы выходило в сад. Если смотреть прямо перед собой, то видны бузина с зелеными плодами, яблони без плодов, немного наискосок многоствольная рябина с пушистой кроной, если нагнуть голову, то виден кусок стены дома на противоположной стороне улицы и дверь с фасонным крыльцом. Вот и весь пейзаж. Просто удивительно, сколь подробно, многогранно и ярко запечатлелась в голове ее эта немецкая картинка.

Говорят, что рисунок дерева сложнее, чем человеческое лицо. Лица могут повторяться какими-то чертами, у близнецов лица совсем похожи, деревья – неповторяемы. Были бы князь Никита и Сакромозо, скажем, две рябины мужского пола, их бы никто не перепутал, особенно сзади. И князь Никита не попал бы из-за этой путаницы в темницу. Бедный князь! Как это ужасно! Ужасно – ей, не ему. Теперь она знает, что у нее не одна, а две соперницы. С венецианской Марией легко совладать, она далеко, а вот с великой княгиней... Екатерина станет императрицей... конечно, конечно... Она как дуб женского рода, а Мелитриса кто? – только трава у ее ног.

Как трава и цвет беззащитны перед ветром, мотает их туда-сюда, и так весь день. Нет, она не трава... Будь она травой, то стояла бы перед переводчиком Цейхелем и качалась из стороны в сторону... как глупо! А Цейхель не может быть похож на князя Никиту ни спереди, ни сзади, у него шея короче и ноги толще в икрах. Правда, в сапогах можно их перепутать. Ах, князь, почему вы так плохо ищите меня?

Лядащев по обыкновению весь день отсутствовал, а вечером, узнав у Фаины о настроении Мелитрисы, предложил ей неожиданно прогулку по городу.

– Поехали... Зачем киснуть? Посмотрим ратушу, университет, собор. Это красиво. Одно условие – не выходить из кареты.

Мелитриса не возражала. Стали собираться. Уже когда девушка была одета для прогулки и причесана подобающим образом, обнаружилось, что куда-то запропастились ее любимые уличные башмаки. Лядащев торопил, Мелитриса злилась, а Фаина препиралась со служанкой. Та на все отвечала длинными трескучими фразами, суть которых сводилась к тому, что она не сторож чужим башмакам, что русские очень безалаберны, а в своей неаккуратности потом винят бедных немецких девушек.

– Придется надеть секретные туфли, – сетуя, сказала Фаина.

Однако и секретных не было на месте, Фаина искала с великой прилежностью, перерыла весь дом, вернее, две их комнаты, не так уж много было мест, куда они могли спрятаться. Новый шквал попреков, и те же длинные немецкие фразы в ответ. Служанка даже всплакнула, прикрывая фартуком совершенно сухие глаза.

Поехали в темно-синих, замшевых, с золотым тиснением на носках. Это были самые дорогие, бальные туфли. Прогулка не была плохой, но и хорошей ее нельзя было назвать. Во-первых, она слишком быстро кончилась. И потом, был тот час вечера, который французы называют «между волком и собакой». Мелитриса сразу прилипла к окну. Над городом висел туман, фигуры прохожих были зябки, искажены сумраком, еще эти шляпы у дам, они полностью закрывали не только лица, но и плечи спутников. Словом, Мелитриса не увидела на вечерних улицах князя Никиту и была этим до чрезвычайности раздосадована. Настроение еще подпортила Фаина, заявив перед сном, что секретные туфли так и не нашлись и что господии Лядащев этой пропажей очень встревожен.

– Напишут они новую шифровку, – отмахнулась Мелитриса. – А уличные башмаки нашлись?

– Уличные нашлись, – подтвердила Фаина, поджимая недовольно губы, и вдруг взорвалась: – Как вы не понимаете? Туфли с шифровкой не просто пропали. Их похитили враги.

– Вздор какой! Только нашим врагам дел – туфли воровать.

– Господин Лядащев говорит, что они охотятся за шифровкой. Вот.

Мелитриса только пожала плечами. Враги не настолько глупы, чтобы рисковать так нелепо. Не проще ли было пригласить ее на повторную беседу и прямо на месте получить вожденную шифровку?

На следующий день Мелитриса получила от Лядащева строжайший приказ не выходить не только из гостиницы, но и из комнаты. Приказ этот был не просто неприятен, он был унизителен, поскольку исходил не от самого Василия Федоровича, а от Фаины. Самому ему, видишь ли, недосуг дожидаться, пока она встанет.

Фаину этот приказ ничуть не огорчил. Она следила за каждым жестом Мелитрисы, играя при этом в беспечность и жизнерадостность. Нельзя выйти в сад и в общую залу, где они обычно завтракали? И замечательно. Они будут шить!

– Ну что ты несешь? – в сердцах крикнула Мелитриса.

Но Фаина не удосужилась ответить, мысли ее были заняты другим. Давеча, пока Лядащев с Мелитрисой катались в карете, она успела сбегать в лавку и приобрести многие метры премиленького оранжевого гроденаплю, из которого собиралась соорудить себе новое платье. Заработанные честным трудом деньги жгли ей пальцы, и в качестве приклада к материи она купила не только пуговиц и лент, но и моток немыслимо дорогих кружев «шантильи» из черного крученого шелку. Фасончик Фаина решила переснять с Мелитрисиногo бирюзовогo «полонеза», наивно полагая, что если заузить лиф и обозначить талию с помощью складок и защипов, то даже такая сытуха[3 - Сытуха – толстая женщина.], как она, будет выглядеть стройной. А почему нет? Мелитриса в своем «полонезе» что селедка...

– Вы, Мелитриса Николаевна, только подскажите, куда мне «шантильи» присобачить и как лиф выкроить.

Вначале они кроили вдвоем, и работа кипела, ножницы со скоростью пиратских фрегатов сновали в оранжевых волнах гроденапля, но как только дело дошло до иголки с ниткой, Мелитриса начала зевать, смотреть по сторонам и, наконец, созналась, что ненавидит шить, а от одного вида иголки у нее начинают болеть глаза.

– И не следи за мной. Я пойду в свою комнату.

– Опять будете у окна сидеть? – обиженно заметила Фаина, поражаясь, что девушка отдает предпочтение скучнейшему занятию, пренебрегая интереснейшим.

Мелитриса строптиво повела плечом:

– Спать я буду, спать!

За работой время бежит как сумасшедшее, сжирая все физические силы. Далеко, на ратуше, часы пробили семь. Фаина потянулась, размяла косточки, погладила пустой живот и пошла искать служанку – пора бы той подать уже кофе с бисквитом. По дороге на кухню она с раздражением представляла, как будет кричать в лицо грубиянке немецкие нелепые слова (неучтивый язык!) – объясняясь с иностранцами, люди часто помогают себе натужным криком, – а служанка на все будет отвечать по-русски «не могу знать» и трести наглой головой.

Служанки Фаина не нашла, а когда вернулась в свою комнату, обнаружила на столе в опасной близости от материи чашку кофе и что-то вроде булки. «Значит, сама вспомнила», – примирительно подумала Фаина о белобрысой и опять принялась за работу, умудряясь одновременно пить, жевать, шить, мурлыкать себе под нос и от полноты чувств притопывать в такт ногой.

Какой-то незначительный звук вывел ее из состояния блаженного равновесия, это был далекий хлопок, словно пробку кто-то выдернул из огромной бутылки, да и сама пробка должна быть размером с малую тыкву. Фаина подбежала к окну, все тихо, гостиничные звуки были привычны, кто-то ругается, звенят

посудой, а вот колеса прогрохотали по булыжнику, потом тревожно закричала какая-то птица в кустах...

Фаина опять было села шить, но вскоре встала, решительно толкнула дверь в соседнюю комнату и замерла на пороге с квадратными от ужаса глазами. У окна на полу в луже крови лежала Мелитриса. Дурной крик только потому не вырвался из глотки дуэньи, что она запечатала отверстый рот кулаком. «Мелитриса, бедная, бедная... – пронеслось в голове и тут же где-то рядом то-оненьким ручейком: – Вот и кончилась моя заграничная жизнь, завтра в отчизну отошлют, будь она неладна...»

Надо бы ее поднять, Мелитрису бедную, но как это страшно – перепачкаться в крови. Может быть, она еще живая? Фаина сделала нерешительный шаг к окну. В этот момент в дверь постучали и сразу вошли.

– Эт-то еще что? – услышала она голос Лядащева.

– Уби-или! Вот... уби-или! – заголосила Фаина.

– Молчи! – коротко крикнул Лядащев, и она опять заткнула рот кулаком. – Доигрались, недоумки, – прошипел он сквозь зубы, и нельзя было понять, ругает ли он все тех же врагов или себя с сотоварищами.

Меж тем он подошел к убитой.

– Кто это?

– Стрелял кто? – не поняла Фаина. – Я не видела.

– Да я не об этом...

Только тут у Фаины словно пелена с глаз упала – это же не Мелитриса! Мантилья на плечах убитой – Мелитрисина, а все остальное... святой Боже... да это же служанка!

– Тише... она жива. Стреляли из окна, – Лядащев указал на небольшое, с опаленными краями отверстие в мантилье. – Где Мелитриса?

– Не знаю, – Фаина всхлипнула. – Понимаете, мы шили... Да не смотрите вы на меня так, сударь! Мы шили, а она вышла. Говорит, спать хочу. Ой, лишенько! Может, ее похитили?

– Немедленно беги к хозяину. Надо лекаря. Ничего не объясняй, скажи только, мол, барыне плохо. И позови его сюда.

«Уж я-то позову. Только бы понял...» – всхлипнула Фаина.

Хозяин «Синего осла» был умным человеком. Ему было достаточно одного слова «лекарь», а самым внятным пояснением к происходящему служило лицо Фаины. Он поспешил в апартаменты русских.

Все волнение и испуг хозяина уместились в коротком возгласе: «Ах, Марта!», в нем звучало явное осуждение, только не понятно – кому. Разговор с Лядащевым был беглым.

– Она умрет? – хозяин безрезультатно пытался нащупать пульс Марты.

– Не знаю.

– Помимо лекаря надо бы... – он замялся.

– Вы хотите упредить полицию? Это ваше право. Может быть, Марту подстрелили из ревности?

Хозяин диковато посмотрел на Лядащева.

– Я так понимаю, что стреляли как раз в вашу барышню, но промахнулись... попали в мою.

– А вот об этом забудь, – Лядащев вдруг перешел на «ты», – в мою барышню стрелять совершенно некому и не из-за чего.

Появился лекарь – толстый, надменный и решительный.

– Господа, ее надобно уложить в постель.

Вот тут все забежали, засуетились. Лекарь осмотрел раненую и поставил диагноз: рана тяжелая, Марта без сознания и может пребывать в таком состоянии до пяти дней, после которых либо умрет, либо очнется. Шансы, как говорится, пополам. А пока надо ее унести из комнаты постояльцев.

К общему облегчению решено было до прошествия пяти дней полицию в известность не ставить. А там видно будет...

– Одеяла, носилки, простыни!

Лядащев смотрел на безжизненное лицо раненой. Какого черта этой дурехе понадобилось в комнате Мелитрисы? Не иначе, как пропажа туфель ее рук дело. Но хотелось бы знать: на постоянной ли она службе у известных людей или выполнила разовую, случайную работу...

Подробности происшедшего Лядащев узнал много позднее, да и то не до конца. Случилось все так. В то время как Фаина направилась на кухню, Марта с подносом в руках пошла в их апартаменты. Оставив на столе Фаины чашку с кофе, она прошла в комнату Мелитрисы. Отсутствие хозяйки позабавило служанку, загадочные русские давно не давали ей покоя. Кто они? И почему вчерашний господин расспрашивал о них с таким любопытством? И уж совсем смешно – попросил достать туфли этой гордячки. «Но господин мой, это воровство!»

«Воровство, если бы ты их забрала себе. А это услуга...» – и достал золотой.

Скажите, какой щедрый! Можно подумать, что она таких монет не видела. Еще и подмигивал многозначительно. А вообще ничего себе на лицо, только худ. «Когда русские съедут, я подарю эти туфли тебе», – сказал господин при расставании. Жаль, что ему эта мантилья не понадобилась. А то он бы и ее подарил...

Она и не заметила, как стала играть в барышню, накинула на плечи мантилью, села к окну. Здесь и поймала ее пуля.

В тот момент, когда раненую переложили на носилки, в комнате появилась Мелитриса. Она посторонилась, давая носилкам пройти. Независимое и даже дерзкое выражение лица, с которым она явилась, остывало на глазах, и когда Лядащев спросил с металлом в голосе: «Где вы были, Мелитриса Николаевна?», – она ответила не только растерянно, но и виновато:

– Я вышла погулять... То есть не вышла, вы правы. Вылезла в окно. Но что у вас тут происходит?

– Служанку подстрелили, – всунулась вдруг Фаина.

– Придержи язык!

Фаина тут же отошла в угол, совершенно стушевываясь. Видно, шок от недавних событий еще не прошел, если она взялась давать пояснения, и при ком? – при Василии Федоровиче. Мелитриса с ужасом смотрела на свою простреленную, окровавленную мантилью, что валялась на полу.

– Фаина, соберите все. Мы переезжаем, – сказал Лядащев и, обернувшись к Мелитрисе, бросил: – Пошли.

По темным улицам шли молча. Лядащев явно торопился, девушка еле поспевала за ним. Так вот, оказывается, чем кончаются шпионские игры? Кому помешала эта белобрысая клуша и зачем ей понадобилось напяливать на себя ее мантилью? О том, что чья-то злая рука метилась не в служанку, а в нее, Мелитриса старалась не думать – глупо, нелепо, страшно!

Наконец дошли. Маленький, словно в землю вросший дом, дубовая дверь, фонарь над входом чуть теплится. Сложный, условный стук молотком...

Глухой голос спросил по-немецки:

– Кто?

– Я бы хотел видеть господина Гаука.

Дверь отворилась. На пороге со свечой в руке стоял Аким Анатольевич собственной персоной.

– Ну вот мы и опять вместе, княжна, – сказал он почти ласково.

Круг замкнулся.

Маленькое пояснение

В жизни то и дело происходят таинственные и страшные события – убийства, похищения, предательства – слов не хватит перечислять. Сторонний наблюдатель не в силах разобраться в подоплеке этих страшных дел, но в романе таинственный сюжет разжевывают и в рот кладут. Вопрос только – разжевывать ли сюжет по ходу повествования или для пущей заинтересованности выдать все тайны залпом в конце романа. Сознаюсь, автор более любит, чтобы все было понятно. Когда читатель не бредет в потемках, право, это очень помогает чтению.

Сакромозо сидел в захваченном русскими Кенигсберге, потому что был координатором поступающей из России информации. Информация шла о войске, его численности и передвижениях, об умонастроениях населения, об интригах царствующего двора, но более всего о флоте, как русском, так и английском. Фридрих очень хотел, чтобы адмиралтейская коллегия Британии расщедрилась и запустила свой флот в балтийские воды. Для того чтобы подтолкнуть чванливый Альбион на столь решительный поступок, им регулярно высылались информация о тяжелом положении русского флота, о полной разрухе его, что, кстати, было недалеко от истины. Все эти сведения, как вы уже догадались, присылал из Петербурга маленький барон Блюм.

Когда немецкая агентура пронюхала, что Брадобрей пойман русскими, Сакромозо немедленно отозвал Блюма из Петербурга. По-хорошему нужно было бы позаботиться и об Анне Фросс, но та шла как бы по другому ведомству, ей удалось занять в России совершенно особое место, и к тому же Блюм клялся, что Брадобрей ничего не знает о «племяннице леди Н.» – такую он придумал ей кличку для шифровок. Главное, кто-то в Берлине был категорически против ее возвращения на родину, очевидно, боясь, что не сможет защитить девицу

от тюремных стен.

Теперь у Сакромозо была одна забота – немедленно передать в Лондон привезенную Блюмом информацию о намерениях русского и шведского флотов. Тут же вставал вопрос – как это сделать? Не посылать же с курьером эдакую простыню, да и опасно. В случае провала под угрозу ставилась вся операция. Наиболее разумным казалось перевести послание Елизаветы на язык цифр, но при таком объеме работы здесь на полмесяца.

Изучая послание, Сакромозо не переставал удивляться, сколько в нем было лишнего, необязательного, воды, как говорят русские. Решение пришло само собой – отжать, составить короткий экстракт послания, в который вошло бы самое главное, а конспект потом зашифровать и послать в Лондон. Сакромозо не учел, что в законспектированном виде документ приобретал совершенно новое звучание – четкое и деловое, чего в подлиннике не было и в помине. Это и сослужило впоследствии дурную службу Фридриху, но об этом пока рано говорить.

В разгар работы над шифровкой, а ведь надобно было еще и банковскими делами заниматься, по обычной почте на Торговый дом Малина пришло маленькое письмецо. Писала Мелитриса Репнинская, бывшая фрейлина, которая под именем графини Грауфельд обреталась сейчас в гостинице «Синий осел», что на Сакгейме. Мнимая графиня просила тайной аудиенции.

Что за черт? Сакромозо с трудом вспомнил имя – одна из отравительниц Елизаветы. Носятся с этими отравительницами, как будто они подвиг совершили, а те и дела не сделали, и репутацию Тайной немецкой службы поставили под удар. Теперь поди проверь – с их порошков Елизавета заболела или сама по себе – по воле Божьей. И ведь так надежно заболела... только вот выздоровела.

Какая это, однако, гадость – сыпать отраву в еду. Может быть, во время оно во Флоренции или в Милане это было нормой, но сейчас XVIII век, простите. Уж если надо убить человека, выберите цивилизованный способ. Сакромозо искренне обиделся за шпагу и пистолет.

Для прояснения ситуации был призван Блюм.

– Но в шифровке, очутившейся в руках русских, названо одно имя Репнинской. Так?

– Именно, – почтительно прошептал Блюм.

– Тогда понятно, почему она убежала и живет под чужой фамилией. Вопрос только в том, действительно ли она бежала из Петербурга, будучи, скажем, предупрежденной, или, наоборот, не успела бежать, так как была арестована.

– Но как же тогда она попала в Кенигсберг? – робко осведомился Блюм.

– Под охраной русской разведывательной службы. Чтобы ломать перед нами комедию.

– Да... может быть, вы и правы, но в этом случае и Анна Фросс была бы арестована. Уж Репнинская не стала бы утаивать имени соучастницы.

– В любом случае с этой авантюристкой следует встретиться, – Сакромозо быстро расхаживал по комнате, оживленно беседуя не столько с Блюмом, сколько с самим собой. – На встречу пойдете вы, – он стремительно повернулся к маленькому барону.

– Осмелюсь заметить, что вижу в этом некоторую нецелесообразность. Вдруг девица меня знает. А если предположить, что она заслана русскими, то это повлечет за собой мой немедленный арест. Или я что-нибудь не понимаю? – он пожевал губами. – И потом, я боюсь, что буду для нее неубедителен.

Сакромозо надоело слушать это сбивчивое кудахтание, он не любил трусов.

– Хорошо. Пойдет Цейхель. А вы-то фрейлину, – он заглянул в бумагу, – Репнинскую... знаете в лицо?

– Видел один раз в церкви, – неохотно сознался барон. – Издали... Анна Фросс показала.

– Вот и отлично. Вы пойдете с Цейхелем для опознания, – и тут же, видя протестующие жесты Блюма, который так и засучил нарядно обутыми ножками,

добавил: – Да не трусьте вы... Сидеть будете за ширмой или за шторой.

Как мы уже знаем, встреча состоялась и не дала никаких результатов. Решено было проверить намеки девицы на спрятанную в каблучке шифровку. Правда, Сакромозо говорил о полной бессмысленности этого дела. Если бы была шифровка, то Репнинская либо отдала ее сразу, либо не сказала бы о ней ни слова. «Слишком глупо, слишком по-женски», – негодовал рыцарь. Но Цейхель настоял на своем. Похитить туфли в «Синем осле» особого труда не составляло.

Как только шифровка оказалась в руках Сакромозо, все стало ясно – обман, провокация. Скоропалительное решение убрать девицу было, конечно, глупостью. Но уж очень Цейхель выставлялся, играл в героя, желал совершить «акт возмездия». Непонятно, зачем он взял на себя эту грязную работу. То ли деньги были нужны, то ли карьеру делал, но разговор с Сакромозо он повернул так, что ежели он Репнинской подставился, то ему ее и убивать. Первоначальное предложение воспользоваться кинжалом он отверг категорически.

– Мое оружие – пистолеты! – заявил он значительно.

Пистолеты так пистолеты, но и к ним не мешает иметь голову, чтобы с десяти шагов, или сколько там их было, не спутать служанку с госпожой.

Цейхель шел на убийство с гордо поднятой головой, у него и капли жалости не было к жертве, а потом, узнав, что не попал в кого следует, превратился в мокрую мышь, весь от страха потом изошел. Это что же получается? Мелитриса Репнинская сбежала, и теперь он у русской разведки на особом счету? Вот тут-то и приключилась с ним истерика.

– Я говорил вам, что надо воспользоваться кинжалом, – не без ехидства посочувствовал ему Сакромозо.

Вот уж нет! Цейхель, оказывается, вообще крови боится. Кровь – это отвратительно!

– Вербку с собой носите, – брезгливо бросил рыцарь. – Самое ваше оружие.

В это время, как водится, в самый неподходящий момент, нагрянул с ревизией из Берлина барон Диц. Он приехал в Кенигсберг открыто, как богач, собиратель живописи и древностей, остановился в самой дорогой гостинице, тут же нанес визиты в самые известные дома, был даже представлен русскому губернатору графу Корфу – и всюду очаровывал, разговаривал, улыбался, подмигивал. Словом, никому в голову не могло прийти, что этот весельчак – крупный чин тайной агентуры Берлина, что за выражением приязни – не только к собеседнику, но ко всему мирозданию, – скрывается твердый расчет. Только глазам он не мог придать добродушного выражения, они смотрели остро и напряженно. И хватит о свойствах барона Дица, право, он не заслуживает более подробного описания.

Сакромозо был очень недоволен появлением барона. Ревизия сама по себе вещь неприятная, а Диц к тому же позволял себе тон приказа, на что не имел никакого права, а также любил загребать жар чужими руками.

Но на этот раз все было иначе. Барон никак не посягнул на перехваченное послание русской императрицы, более того, порадовался такому успеху и посоветовал немедленно везти это послание в штаб короля.

– Я думаю, Их Величество по заслугам оценит ваш вклад в справедливое дело Пруссии.

– А мне кажется, – возразил Сакромозо, – что сия бумага должна как можно скорее лечь на стол английского министра Питта.

И опять барон Диц согласился. Эта уступка настораживала. Все разъяснилось вечером, когда после приватного разговора Сакромозо представил барону (по его же просьбе) двух своих агентов, а именно Цейхеля и Блюма. Агенты были очень взволнованы встречей – их приблизили к самым верхам, к самому интимному столу!

Вначале обсуждали текущие дела, не опускаясь, однако, до мелочей. Агенты Великого Фридриха, как трудолюбивые пчелы, чуть ли не каждый день приносили информацию о поведении русской армии, о командирах полков, о лазаретах и прочем. Обсуждать эти подробности никакого времени не хватит. Только раз барон Диц позволил себе заострить внимание на донесении некоего топографа, который достал план размещения русских магазинов. План был

составлен еще при Апраксине, то есть в прошлогодною кампанию, но топограф уверял, что два помеченных крестиками склада еще не вскрыты, видно, о них забыли по безалаберности. А в этих складах хранятся не только фураж и пшеница, но и оружие.

– Где расположены склады?

– Где-то вдоль Вислы. На карте точно обозначено.

– Но ведь там русские! – воскликнул Сакромозо.

– Если план топографа верен, то Их Величество пошлет в означенный район боевой разведывательный отряд. Он же будет, в случае удачи, охранять обоз. Порох, овес и хлеб – главное, что необходимо нам для продолжения войны. Может быть, мы поручим проверить верность карты господину Цейхелю? – и барон Диц повернулся всем корпусом к переводчику.

Цейхель, так и евший глазами начальство, с готовностью кивнул головой и вдруг закашлялся. Да, конечно, он готов, он поедет куда угодно, только подальше от Кенигсберга, бубнил он, борясь с кашлем и страшно пуча глаза. Блюм от смущения, казалось, хотел залезть под стол, потом не выдержал и что есть силы ударил Цейхеля по спине кулаком. Переводчик сразу смолк, испустив вздох облегчения.

– Господин Цейхель прав, – подтвердил Сакромозо, – ему необходимо уехать. Но он не может оставить город официально, так сказать, быть командированным в армию, поскольку у нас произошли некоторые неприятности с некой особой... русской...

– Подробности после, – перебил рыцаря Диц, поднимаясь.

По выражению лица барона Дица видно было, что встал он, чтобы не ноги размять, а перевести тон обыденности, которым говорил дотоле, в другую высокую стихию и акцентировать этим важность своего сообщения.

– Господа, как вы знаете, война затянулась. Известные успехи России, а главное, завоевание ею королевства Прусского, весьма заботят Их Величество. Да, да, –

он возвысил голос, – Их Величество поклялся, что ногой не ступит в Восточную Пруссию, которая с такой легкостью отдалась противнику. В Берлине считают, что Россия опасный противник. Она не умеет воевать, но государство это слишком обширно, а насельники его слишком многочисленны. Однако есть способ помешать успеху России, способ, к которому мы не относились достаточно серьезно. Я имею в виду женщину, известную по шифровкам как «племянница леди Н.». Ее первый, как говорится, опыт, – лицо его приняло неожиданно игривое выражение, он даже ухмыльнулся криво, – был э... э... не совсем удачен. Но при связях этой молодой особы и, прямо скажем, таланте, опыт может быть повторен. Господа, я еду в Россию.

Блюм шумно вздохнул, он уже видел во всех подробностях, как пойдет дальнейший разговор. Сакромозо вдруг покраснел, насупился.

– С девицей работал, как мне известно, барон Блюм. Я хотел бы, чтобы он ввел меня в курс дела. Что представляет собой эта... Анна Фросс?

«Шлюха», – хотелось крикнуть Блюму, но он сдержался, умоляюще глядя на Сакромозо.

– Девица Фросс способный агент, – тихо сказал рыцарь, – но у нас возникли некоторые осложнения. Дело в том, что положение племянницы леди Н. стало ненадежным.

И он в самых общих чертах, без подробностей, Боже избавь, рассказал о недавних событиях, о приезде фрейлины Репнинской, о ее внезапном исчезновении и подозрительной шифровке.

И вот тут разразился скандал. Добродушный Диц вдруг стал топтать ногами, потрясать кулаком и ругаться сдавленным голосом, почти шепотом, что было особенно страшно. Потом вдруг обмяк, рухнул в кресло и неожиданно спокойно спросил:

– Вы точно знаете, что Фросс не арестована?

– Точно, у нас в Петербурге есть в осведомителях малый чин из Тайной канцелярии.

– И эта Репнинская подсадная утка русских? И она исчезла?

– Именно так.

– Ну что ж, фрейлейн Репнинскую необходимо найти.

– И убить! – хищно блеснул глазами Цейхель, он опять был смел и решителен.

– Ни в коем случае! – барон Диц окинул всех рысьим взглядом. – Эту особу надо расспросить самым тщательным и умным образом. Здесь какая-то тайна. Почему Фросс, если они вдвоем с Репнинской осуществляли свой «опыт», не арестована? Видимо, Репнинская работает на русских по принуждению... видимо, она не захотела открыться до конца, и русские не подозревают о соучастнице. В любом случае, Репнинскую надо найти и допросить. А я разберусь на месте. Кто поедет на поиски означенной девицы?

– Цейхель, – твердо сказал Сакромозо.

– Но почему опять Цейхель? Почему не Блюм? – не понял барон Диц.

– Блюм поплывет со мной в Лондон, а Цейхель совместит свое первое задание со вторым. Я дам ему людей, связи, я все ему дам...

– Ну что ж... уточним пароль, – барон Диц повернулся к Блюму, он опять был добродушен и величественен.

Оленев

Только в конце июня любимец государыни Елизаветы принц Карл Саксонский двинулся из Петербурга в Пруссию на театр военных действий[4 - Напомним читателю, что это июнь 1758 года, в Европе идет война, прозванная впоследствии Семилетней. На одной стороне воюют Россия, Австрия, Франция и Швеция, на другой – Пруссия и Англия.].

Он ехал в сопровождении огромной свиты, охраны, обоза с продовольствием, палатками-шатрами, мебелью, посудой. Словом, это был роскошный поезд, пугавший, а может, пленявший, обывателей и крестьян барабанным боем, звуками труб, парчовыми вельтрапами на лошадях и обилием курфюршеских гербов, от которых пестрело в глазах, даже тюки на мулах были украшены этими геральдическими символами.

Князь Никита Оленев отбыл из Петербурга в Кенигсберг несколько раньше, и хоть весьма поспешал, двигался гораздо медленнее роскошного кортежа – лошадей на станциях было не достать, все подставы предназначались для Карла Саксонского. Дорога совершенно измучила самого князя и его старого камердинера Гаврилу, который, конечно, увязался за барином в опасное путешествие. Теперь страдай! Мало того что лошадей нет, так еще дорога разбита, трактиры отвратительны, за плохую еду в них ломили такую цену, что у Гаврилы делалось сердцебиение.

– Господи, яви нам свою милость, покарай мошенников плохими болезнями, – причитал, трясясь в карете, камердинер.

– А ты их сам и вылечишь, – вторил лениво Никита.

– Ни за что! Харчевник – мерзавец, плут, хахаль, мздоимец и надувало! Брашно[5 - Брашно – еда.] вчерашнее, прокисшее. Разве сие брашно? Голодные едем!

– Думай лучше о брашне духовной, – вздыхал князь, а сам озабоченно думал, что как только они въедут в разоренную войной Пруссию, то вообще могут остаться без еды и лошадей.

Словом, в Риге, где наших путешественников нагнал Карл Саксонский, Никита счел за благо присоединиться к его кортежу, хорошо, имелась такая возможность.

В поезде Карла Саксонского все изменилось. За принцем следовала великолепная кухня, обслуживаемая десятком поваров. Останавливались теперь не в трактирах, а в опрятных домах обывателей или прямо в чистом поле в шатрах, которые в момент ставили проворные солдаты. Ужины и завтраки были похожи на роскошные пикники.

А потом опять дорога мотала свои версты. Карета Никиты следовала за экипажем лекаря их высочества – надутым и чванливым господином, совершенно непригодным для общения. «Он неуч, он пиявки через руку ставит...» – брезгливо пояснил Гаврила, наблюдавший как-то вечером искусство лекаря (одному из свитских стало плохо). Никита не понял, как это – «через руку», но выяснять не стал, и так видно – противный старик. Зато полковой священник, его повозка следовала за каретой князя, был приятнейшим человеком. Он и опекал Оленева и слугу его в течение всего длинного пути.

Принц Карл торопился в Кенигсберг, чтобы принять участие в летней кампании под предводительством нового фельдмаршала Фермора. Случайный его попутчик ехал в Пруссию за другой надобностью. Оленев вовсе не собирался стать волонтером. «Задача моя проста, – говорил он. – Я должен выполнить долг перед Богом и людьми». Так, окрашивая слова свои торжественным и несколько ханжеским тоном, объяснял он себе и другим, почему отправился на поиск своей подопечной – фрейлины Мелитрисы Репнинской.

Гаврилу несказанно раздражал такой подход к делу, и, хотя путешествие их в обозе Карла было не только сносным, но и вполне комфортным, он продолжал ворчать с явным намерением не дать барину хоть на минуту обрести душевный покой.

– Хорошо едем, но принц Карла-то не торопится. Зачем ему под ядра спешить? А мы торопимся. Не хвастая отъездом, хвастай приездом.

Гаврилу злили и обижали важные слова барина о «долге перед Богом и людьми» и раздражал его не столько лицемерный и высокопарный их оттенок, сколько неправильное направление скорби барина. Богу, Никита Григорьевич, сейчас не до нас, а люди здесь и вовсе ни при чем. Главное в нашем деле не долг исполнить, а девочку от супостатов спасти. Цветок невинный, астра-звездочка... В то, что Мелитриса сбежала с мужчиной по любовным делам, Гаврила не верил ни на минуту. «Не побег сие есть, но плен. Пленили нашу жемчужинку, а теперь везут по дьявольским своим нуждам в горнило войны и мрака», – негодовал старый камердинер.

Никита и сам так же думал, примерно так, но молчал. Не его вина, что он полтора месяца бездействовал, не предпринимая попыток найти Мелитрису. Маршрут его поисков зависел от принцессы Курляндской – наставницы фрейлин Ее Величества, – только она могла узнать подробности исчезновения Мелитрисы.

Но как на грех принцессе приспичило заняться своими делами: она окончательно собралась выйти замуж за графа Черкасова, своего старого обожателя. Великой княгине поторопить бы принцессу, косвенно они обе были заинтересованы в получении сведений о пропавшей фрейлине, но Екатерине тоже было недосуг – любовь с Понятовским отнимала все ее физические и моральные силы.

Но всему свое время, пришел июнь, и вновь испеченная графиня Черкасова нашла время встретиться с тем самым подпоручиком, который производил обыск во фрейлинских покоях. Сведений о Мелитрисе было до смешного мало. Юный подпоручик, млея от внимания столь высокой особы и весело тараща глаза, божился, что ничего не знает и узнать не может.

– А начни я любопытствовать, тут же на губу... а то и того хуже – под суд! Служба у нас такая.

– Ну уж – и под суд... – приговаривала с улыбкой принцесса. – Спасу я вас от суда-то, – а сама совала деньги (и не малые).

Решающую роль, однако, сыграли не монеты, а обещание добиться повышения в чине. Обещание было высказано не только подпоручику, но и его маменьке, женщине весьма не глупой. «От подпоручьего-то звания кто хошь вззоет, – сказала маменька принцессе, – уж я на моего надавлю...» И надавила. Подпоручик носил сведения малой толикой, видно, доставались они нелегко, юное личико его похудело, глаза смотрели с опаской и все время косили в угол. Как только принцесса поняла, что осушила этот сосуд тайных знаний досуха, она добилась свидания с великой княгиней и была внимательно выслушана. Далее события развивались стремительно. Через камердинера своего Шкурина Екатерина позвала князя Оленева во дворец.

– Благодарю вас за аудиенцию, ваше высочество, – почтительно склонился Никита.

Екатерина удовлетворенно кивнула, разговор начался правильно, он ничего не требует, только просит. Надо сказать, начало их беседы было полно недомолвок, почтительных поклонов и удовлетворенных кивков. Учтивые слова их плавали на поверхности некоторого водоема, величественные, словно лотосы, а смысл разговора несли невидимые глазу резвые придонные струи.

– Наша встреча состоялась как нельзя кстати. Завтра я уезжаю в Ораниенбаум, а оттуда в Петергоф. Государыня Елизавета намечает отметить праздник Петра и Павла в этом году особенно пышно, – она замялась, как бы спрашивая себя – о чем мы? – и легко вернулась к разговору. – Помнится, князь, вы имели до меня просьбу касательно некой молодой особы?

Никита всем своим видом выразил полное согласие, даже руками сделал эдакий жест, обозначающий восхищение памятью их высочества.

– Она же девица жива и благополучна. Ей не грозит беда. Некоторое время назад – какое именно, мне неизвестно, упомянутая особа оставила столицу, чтобы в сопровождении господина Икс посетить могилу отца.

– Не хотите ли вы сказать, ваше высочество, что княжна Репнинская поехала на Гросс-Егерсдорфское поле? – вне себя от изумления и явно выпав из законов этикета, воскликнул Никита.

– Я думаю, что это только условное обозначение цели их путешествия, – невозмутимо отозвалась Екатерина. – Сейчас они, очевидно, в Кенигсберге. Кто сопровождает девицу – я не знаю. Зачем они поехали в Пруссию – мне не известно. Отношения сей девицы с означенным господином – для меня полная тайна. Одно достоверно – она путешествует под чужим именем. Ее зовут теперь графиня Грауфельд.

Никита восторгнулся было, тысяча вопросов ульем жужжала в голове, но великая княгиня остановила его движением руки.

– Милый князь, я не могу вам сказать больше, чем мне удалось узнать. И не хочу строить догадок. Они принесли бы больше вреда, чем пользы.

Она улыбнулась, и этой улыбкой словно ширму поставила, в довершение всего в руках ее появился большой веер, на котором французский художник изобразил Дафниса и Хлою предававшимися радостям любви, а также пейзаж, овец и собак. Екатерина обмахивала неразгоряченное лицо значительно и неторопливо, нимало не тяготясь возникшей в разговоре паузой.

– Не будет ли нескромностью с моей стороны узнать, какие ваши дальнейшие планы? – спросила она наконец.

– Ехать в Пруссию.

– А может так случиться, что вы там вдруг встретите полковника Белова? Он ваш друг?

– Он мой друг, и я его непременно встречу.

Лицо ее оживилось, и она сказала уже совсем другим тоном, в котором не было и тени наигранной значительности.

– Передайте Белову, что я помню о нем. И еще передайте: дало фельдмаршала Апраксина отнюдь не кончено. Оно движется к своей развязке, которая, как мне кажется, очень будет зависеть от успехов нашей доблестной армии.

«Кому это она говорит? При чем здесь Сашка и какое отношение он имеет к Апраксину? – пронеслось в голове Никиты. – Нет, это скорее информация для меня. Она намекает на письма...»

– Мне не совсем понятны мотивы, коими руководствуется ваше высочество, давая мне подобные...

– А вам и не нужно знать мотивов, – перебила его Екатерина. – Просто запомните и передайте Белову, что особой опасности для него сейчас нет. Но его могут вызвать в качестве свидетеля. Но лучше бы, чтобы его искали и не нашли. Уж очень-то искать не будут. Так пусть ваш друг... от греха нырнет поглубже.

Зачем она улыбается? Что значит – Белову не угрожает опасность. Какая – не угрожает? И какая могла угрожать? Ясно одно – своим поручением она оказывает любезность и мне и Сашке, она выражает доверие... но держит меня за болвана...

Он был не далек от истины. Если бы Никита мог читать чужие мысли, его наверняка обидели бы насмешливые размышления великой княгини: «Милый князь, зачем вы так таращите глаза? Вы ничего не поняли... И вы, и ваш друг служите мне, а потому оба связаны с этим именем – Репнинская. И все это втайне друг от друга... А как же – честь не позволяет!.. Право слово, будь вы менее щепетильны, может быть, больше было бы толку. Встретитесь с Беловым –

обсудите все. Я предоставляю вам эту возможность...»

И опять веер неспешно заходил в руке, сидящая на камне Хлоя взволнованно заколебалась, нарисованные собаки занервничали, овцы тоже пришли в волнение, словно рябь на реке.

Аудиенция тянулась, хотя все было сказано. Нет... не все. Она явно ждет от меня каких-то слов... или поступков. Ясно каких, ей нужны письма... ее тайные послания к Апраксину. А может быть, для дела выгоднее отдать их прямо сейчас? Или сказать, мол, как только фрейлина Репнинская найдется, письма станут опять вашей собственностью? Уж Сашка бы знал, как надобно поступить...

– Я не забыла и второй вашей просьбы, – голос Екатерины звучал по-прежнему насмешливо, словно просьба эта касалась какой-то светской мелочи. – Вы, кажется, интересовались нашим общим другом с острова Мальты?

Это была уже щедрость – королевская! – вспомнить сейчас о Сакромозо. Никита замер, боясь каким-либо жестом или даже дыханием своим спугнуть прихотливый бег мыслей в умной голове собеседницы.

– У Сакромозо карие глаза... родинка, вернее, пятнышко без выпуклости вот здесь, – она коснулась своего острого подбородка, – лицо бледное... и еще, очень характерный жест. Когда он нервничает или чем-то озабочен, то начинает тереть свои руки – оч-чень красивой формы... так, словно они у него чешутся, – она показала, проиграла всю сцену, – потом опомнится, смутится, сядет как ни в чем не бывало.

– О, благодарю вас, ваше высочество, за вашу милость и доверие ко мне.

– Вот именно, доверие, – сказала она строго. – Я могу быть уверена, что бумаги мои будут в сохранности?

– Да.

Никита расстегнул пуговку потайного кармана в камзоле, достал письма и с поклоном протянул их Екатерине.

И тут на глазах свершилось чудо, исчезла чопорная и надменная великая княгиня, перед ним сидела прежняя Фике – испуганная, взволнованная и счастливая. Ей и в голову не пришло стесняться князя Оленева. Она цепко держала свои письма, читала их с жадностью, мяла от нетерпения, чему-то усмехалась. Потом перевела дух, как после быстрого бега или утоления любовной лихорадки. Письма были аккуратно сложены и спрятаны за лиф.

– И еще скажу вам, князь. Я знаю вас уже четырнадцать лет. Это большой срок, поэтому я с полным правом могу дать оценку вашему поведению. Я нахожу его безупречным, – она улыбнулась кокетливо, обнажившийся надломленный с уголка передний зуб не только не испортил этой улыбки, но придал ей домашний, интимный характер.

Никита вспыхнул, чувствуя, что не только лицо его покраснело, кровь прилила и к шее, и к рукам, даже икры ног вспотели.

– Поэтому я по-прежнему ваш должник, – продолжала Екатерина. – В случае нужды обращайтесь ко мне всегда – я помогу, – в последних словах уже не было никакого кокетства, это были посулы царицы, небожительницы, которая обратила взор свой на смертного и обещала вспомнить о нем, когда придет срок.

Никита склонился чуть ли не до полу.

– Ах, да, чуть не забыла. Попробуйте поискать вашу девицу в Кенигсберге в гостинице «Синий осел». Не правда ли, странное название?

Когда Никита уходил, вслед ему прозвучал звон колокольчика.

– Иван, затопи камин, – приказала великая княгиня вошедшему слуге.

«Даже спрятанные на груди письма жгут ей кожу, – подумал Никита. – Сейчас бумаги пойдут в огонь. И все будет забыто».

Через три дня Никита был уже в дороге.

«Синий осел»

Оленев не застал в Кенигсберге друга. Белов отбыл в армию, в какой-то польский городишко, название которого квартирная хозяйка фрау К., постная, некрасивая особа, конечно, запомнила. Во время их короткого диалога с лица ее не сходило выражение подозрительности, словно неожиданный гость, хоть и выглядел приличным человеком, в любую минуту может посягнуть на ее собственность или, того хуже, – честь. Но как только Оленев сообщил, что он друг ее постояльца, что намеревается дождаться его здесь и готов заплатить вдвое за уже оплаченное жилье, эта сухая роза сделала неробкую попытку расцвести, обнажив в улыбке бледные десны и дурные зубы. О, она обожает русских! Они так щедры, приветливы и нетребовательны! Оленеву были предоставлены Сашины апартаменты, Гавриле отвели крохотную комнатенку с балконом. Камердинер сразу же взял бразды правления в этом маленьком хозяйстве в свои руки. Но фрау К. не сдалась. Пытаясь закрепить только ей видимые и понятные права на постояльца, она двинулась утром с большим подносом в комнату князя. На подносе дымился кофе, булочки были поджарены, масло уложено розочками. В дверях она была остановлена Гаврилой. Он строго посмотрел сухой розе в глаза, отнял поднос и плотно закрыл за собой дверь. После этой сцены хозяйка не упускала возможности многозначительно улыбнуться постояльцу и намекнуть прямым текстом, что не все русские щедры и приветливы, встречаются такие крохоборы, что и немцев за пояс заткнут.

Словом, кенигсбергская жизнь потекла, и Никита тут же постарался пустить ее по нужному руслу. Но было вовсе не просто найти в большом, чужом городе, где полно трактиров, гербергов, постоялых дворов и гостиниц – нужную. Никита предположил, что искомый «Синий осел» должен располагаться не в центре. Вряд ли Мелитриса и ее спутник, кем бы он ни был, захотят афишировать свое пребывание в прусской столице. Но поиск надо начинать все равно с центра города. Вначале он расспросил хозяйку.

– А почему он синий? – спросила разумная женщина.

– Какой цвет предпочитаете вы?

– Зачем мне предпочитать цвет ослов? Они бесцветны.

Словом, фрау К. не знала такой гостиницы. После этого разговора Никита стал обращаться к хозяевам всех гостиниц, харчевен и аптек, которые встречались на его пути. Было бы легче, если бы спрашиваемые честно отвечали «не знаю». Не желая ронять своего профессионального реноме и симпатизируя русскому с безукоризненным немецким, они давали советы и взаимоисключающие друг друга указания.

Никита нашел «Синего осла» только на третий день. Надо ли описывать, каким громом среди ясного неба, «ударом под дых», как говаривал Корсак, было сообщение, что проживающая в гостинице графиня Грауфельд оставила сей дом неделю или около того назад при странных обстоятельствах.

– И что это были за обстоятельства?

– Мне не хотелось бы говорить на эту тему, сударь, – твердо сказал хозяин.

– Но вы же сами сказали мне про «обстоятельства»!

– Простите, сударь, во всем виновата моя болтливость. Время военное, смутное...

– Графиня Грауфельд жила одна?

– Нет. Графиня приехала с господином.

– Графом Грауфельдом?

– У господина была другая фамилия. Сейчас посмотрю... вот Осипов... Он опекун графини.

– Как опекун? Я ее опекун!

Хозяин посмотрел на Оленева внимательно. Вся эта история с прежними постояльцами выглядела подозрительно, а теперь что ни день появляются какие-то люди, и всех интересуется эта русская девчонка в очках.

– Что за фамилия такая дурацкая – Осипов? Куда они отбыли? – негодовал Оленев.

– Сие мне неизвестно.

Хозяину давно прискучил глупый разговор, да и не обязан он... «Синий осел» приличная гостиница, а не притон для таинственных проходимцев. Но... «Нет такой вершины, которой не возьмет осел, груженный золотом», – говорят французы. Оленев был щедр, а «Синий осел» не был исключением из прочих упрямых непарнокопытных. Хозяин не только рассказал все подробности «загадочных обстоятельств», но показал недавно вернувшуюся к жизни служанку, что лежала в комнатке за стойкой, а потом проводил Никиту в те самые апартаменты, где жила таинственная графиня.

– Когда все приключилось, я имею в виду выстрел, дамы – графиня и ее дуэнья, занимались шитьем. Вот здесь на столе лежало очень много оранжевой материи, такой шелковой... Прямо зарево! Я и не знал, что русские так любят оранжевый цвет...

Никита вдруг усомнился во всем, рассказ хозяина пахнул легким сумасшествием.

– Как выглядела графиня?

– Юна... худа... красива, – хозяин поднял глаза к потолку. – Дуэнью зовут Фаина. Она добра и бестолкова, крупная такая дама, – он поднял руки и растопырил пальцы, показывая полногрудость загадочной дуэньи. – Да, забыл сказать... графиня носила линзы.

Она!

На квартиру Никита явился совсем потерянный. Что делать? С чего начать поиск? Вывод напрашивался сам собой – надо звать на помощь друзей.

– Сейчас лето. Корсак ваш в плавание ушел, помяните мое слово, – пытался отрезвить барина Гаврила.

– Ушел, значит, письмо ему оставлю. Корсак человек общительный, мог что-нибудь видеть, слышать... Гаврила, неужели ты не хочешь съездить в Мемель? Алешка о нем столько рассказывал!

Дорогу в Мемель покрыли за три дня. С чем хорошо в Пруссии, так это с дорогами: гладкие, твердые, без ненужных изгибов. Да и что говорить, место плоское и грунт отменный. При таких песчаных грунтах и в России могли бы быть приличные дороги.

Имея в кармане рекомендательное письмо от Ивана Ивановича Шувалова, Оленев сразу направил стопы к вице-адмиралу Полянскому – и в тот же день был принят. Полянский принял князя очень благосклонно и сообщил, что фрегат Корсака вкупе с галиотом «Стрельна» вышли в море во исполнение приказа Ее Величества. Оленевым было испрошено позволение оставить Корсаку малое письмецо и получено разрешение передать оную писульку флигель-адъютанту с тем, чтобы в конце навигации, а именно осенью, он и вручил ее адресату.

От последних слов вице-адмирала Никите стало особенно тошно. Мало ли какие беды случались у него в жизни, но в одном судьба всегда была к нему милостива – она не отказывала в помощи друзей. Где вы, гардемарины?

В самом трагическом настроении он вернулся в Кенигсберг, и тут ему повезло. Не столько веря в успех, сколько повинувшись скрытому тяготению к тому месту, с которого начал поиск (так грибник все шарит и шарит под елкой, где в прошлом году нашел белый), Никита опять поехал к «Синему ослу». И надо же такому случиться, что в тот самый момент, когда он приступил к разговору с хозяином, в общую залу вошла невообразимая особа в обширной шляпе с васильками и оранжевой юбке, очень похожей на те абажуры, которыми далекие потомки Оленева стали украшать свой призрачный уют.

– Она, – сказал хозяин, не скрывая своего восхищения. – Сия дама уже приходила сюда после отъезда. На ее имя поступает почта. Только она ни бельмеса по-немецки. Несколько слов...

Фаина подплыла к стоящему за стойкой хозяину, отстранила Никиту локтем, расправила на груди черные кружева и сказала на чудовищном немецком:

– Потеряла брошку... в комнате, когда здесь жила...

– Вам ничего нет, – поспешно отозвался хозяин, выразительно кося глазами в сторону князя.

Никита понял, что слова про потерянную брошку не более чем пароль. Удостоверившись взглядом в моральной поддержке хозяина, он решительно положил руку на сдобное плечо обладательницы васильков:

– Вы были горничной у княжны Репнинской?

Дама крепко зажмурилась, потом подпрыгнула на месте и с неожиданным проворством метнулась к двери. Никита бросился за ней, крича вдогонку:

– Подождите, сударыня. У меня благие намерения. Я друг Мелитрисы. Я князь Оленев. Я ее опекун. Мы сейчас купим сто брошек. Где Мелитриса?

Он догнал ее уже на улице, и то потому, что она вдруг встала столбом, повернув к нему разгоряченное лицо:

– Это я вам письмо послала?

– В нем было три слова? – ответил Никита вопросом на вопрос.

– Вот именно, сударь, – Фаина улыбнулась, – и заметьте, написано ее почерком. А она мне говорила: «Фаина, можешь сама написать эти три слова. Главное, чтоб он их получил».

Видя явное смущение князя, она плавным жестом поправила поля шляпы, кокетливо повела плечом.

– Только уйдем отсюда поскорее. Мне нельзя здесь задерживаться.

И она почти побежала вперед, матерчатые васильки порхали перед ее красными щеками, как мотыльки.

– Нам надо поговорить, – поспешая за ней, повторял Никита.

Они поговорили, отбежав от «Синего осла» на расстояние, которое обычным шагом можно покрыть только за полчаса. Перед ними расстиралось живописное длинное озеро, за спиной – обычная улочка, застроенная серыми, узкими, впритык стоящими домами, противоположный берег принадлежал садам и ивам.

– Туда, – Фаина указала на узкий пешеходный мостик и побежала к деревьям, купающим в воде ветви, длинные, как волосы красавицы.

Под ивами она перевела дух.

– Только я вам ничего определенного сказать не могу. Так и знайте.

– А мне и не надо, – Никита уже отсчитал пять монет. – Мне бы в самых общих чертах.

Он готов под присягой поклясться, что не заметил, как из его руки исчезли деньги. Вот он их держал, вот размышлял, а не обидит ли ее сия подачка, а вот, судя по удовлетворенному лицу Фаины, деньги уже находятся где-то в складках ее обширной оранжевой юбки, а может, под шляпкой или под парусящими от ветра кружевами.

– Спрашивайте... ладно, Бог с вами. Но знайте, мне вам ничего отвечать нельзя. Меня не только от должности отставят, но и жизни могут лишить. Я знаю, что говорю. Но знаю также, что превыше всего в мире – любовь, – васильки на шляпе закивали с полным согласием. – Отвечать вам буду только «да» и «нет», а то ведь вы захотите душу мою до дна опорожнить.

– Согласен. Где Мелитриса?

Фаина выразительно расширила глаза.

– Ах, да... Мелитриса сейчас в Кенигсберге?

– Нет.

– То есть как – нет? Ее увезли?

– Да.

– Силой?

– Нет.

– Кто?

– Кто-кто... Дед Пихто! – в сердцах крикнула Фаина. – Договорились ведь!

– Ну ладно, успокойтесь. Ее увез Осипов? – Видя, что она медлит с ответом, Никита уточнил: – Тот человек, что жил с ней в гостинице?

– Да.

– Ей угрожает опасность?

Фаина пожала плечами, де, нам всем в этой земной юдоли угрожает опасность.

– Он повез ее в Петербург?

– Туда ей нельзя, – вдруг более развернуто ответила Фаина.

– Почему?

Вздых, поднятые к небу глаза... Чертова оранжевая утка – как с ней разговаривать?

– Вы можете мне внятно сказать, кто и зачем похитил Мелитрису? Кому вы служите? – Никита поспешно отсчитывал серебряные рубли, – руки его от нетерпения дрожали. – Кто этот Осипов?

– Вот этого я вам никогда не скажу, – Фаина решительно отвела его руку с деньгами. – И как вы фамилию-то эту узнали? Не положено вам знать, кто такой Осипов. Засекреченная эта фамилия! И забудьте ее. Они к Мелитрисе хорошо относятся, не обижают. Они ее спасти хотят.

– От чего – спасти?

– Как от чего? Она же государыню хотела отравить!

– Государыню?.. – Никита что есть силы вцепился в ствол ивы, да так ловко, что оцарапал руку корешком отломанного сука.

Не хотела Фаина этого говорить, но, видно, бдительность потеряла, видя, как князь страдает, где-то на дне души отворились вдруг запретные двери, и тайна проворным воробьем выпорхнула на свободу. Сейчас главное клетку поплотнее захлопнуть, ничего более не сказать. Эх, как он руку-то располосовал. Наверное, гвоздь в старом дереве был – не иначе.

Никита меж тем достал платок, стараясь стянуть кровоточащую рану. Вечная его история! Он вспомнил вдруг, как поранился стаканом, когда Гаврила принес весть о смерти младенца брата. Но «смерть общий удел», говорят древние. Мальчик мог умереть, это понятно. Но Мелитриса не может быть отравительницей. Хотя на Руси все возможно. Бумага все стерпит.

– Донос? – он строго посмотрел на Фаину.

Та трясла головой – ничего больше не скажу!

Да он и не будет спрашивать. Теперь понятно, почему дело это окутано тайной и почему Фаина помертвела от страха. Перед Тайной канцелярией мы все делаем стойку смирно и запечатываем рты.

– Успокойтесь. Я не буду вас больше мучить вопросами. Но адрес свой вы мне можете дать?

– Нет.

– Клянусь, я им воспользуюсь только в случае крайней необходимости.

– Подойдем с другого боку... Я должен найти Мелитрису. Я должен ей помочь. Я должен ее увидеть.

Фаина смотрела на него, вытаращив глаза, потом отерла тыльной стороной ладони пот на висках и подносье.

– Она верит мне, – продолжал Никита, ударяя себя в грудь кулаком, в котором были зажаты монеты. – Я не имею права бросить ее на произвол судьбы. Ради Мелитрисы я приехал в этот город. И плевать я хотел на Тайную канцелярию!

– В Польшу они ее повезли, – сказала Фаина свистящим шепотом. – В горнило войны. Зачем – не знаю. Думаю, что они ее прячут. – Она поймала кулак Никиты, разжала его без усилия и взяла деньги.

– Только ради любви, так и знай. Ишь, вспотели, – она любовно огладила монеты.

– А Осипов – подлинная фамилия?

Фаина погрозила Никите пальцем, словно нашкодившему ребенку, потом подобрала юбки и быстро пошла прочь.

– Клянусь, ни одна живая душа не узнает о нашем разговоре. Спасибо.

– Прощайте, князь, – донеслось из ивовой пущи, оранжевая юбка последний раз полыхнула закатом и пропала за деревьями.

Разное

Как это часто бывает, если ты на правильном пути, судьба не останавливается в своих благодеяниях. Зайдя в тот же вечер в недавно открытый православный храм, Оленев встретил там своего попутчика – полкового священника отца Пантелеймона, милейшего человека, и тут же выяснил, что отец Пантелеймон собирается в действующую армию. Никита сразу стал просить взять его с собой.

– Волонтером, ваше сиятельство? Помнится, вы не хотели воевать. Что заставило вас переменить решение? Зачем вам ввергать себя в пучину горя, греха и соблазна?

– Какой соблазн, батюшка? Я должен найти друга – полковника Белова. Может быть, военная канцелярия в самом Кенигсберге могла бы сообщить мне, где находится его полк?

– Могла бы, – улыбнулся священник, – только за точность бы не поручилась.

– Вот и я так думаю, а потому буду искать его в самой армии.

Никита надеялся, что рекомендательное письмо Шувалова, уже послужившее ему, откроет полог палатки фельдмаршала Фермора.

– Ну что ж, – сказал милейший отец Пантелеймон, – рад оказать вам услугу. Но для поездки в армию, которая, по моим сведениям, вышла из города Познань и направляется теперь к Одру, чтобы идти воевать Брандербургию, вам надо иметь тщательно выправленный паспорт.

– Я же оформил паспорт в Петербурге.

– Его, батюшка князь, надо перерегистрировать в местной ратуше у нашего наместника графа Корфа. Если вы завтра представите мне свой паспорт, то я, пожалуй, помогу вам ускорить эту процедуру.

Теперь предстояло сообщить Гавриле о предстоящем отъезде, да так, чтобы он не потащился за барином. В этом была своя трудность. Гавриле не нравился Кенигсберг и его жители. Влажный морской воздух вызывал у камердинера боли в суставах (можно подумать, что в Петербурге воздух был суше), квартира была тесна и неудобна, торговля шла плохо. Гаврила решил в Пруссии подзаработать и захватил из отечества капли глазные, кармин красный, пудру для париков и чрезвычайно вонючую мазь для снятия мозолей. Но, как видно, глаза у немцев не болели, а обувь готовили удобную и не способствующую мозолеобразованию. Еще Никита подозревал, что не последнюю роль в образовавшейся нелюбви к прусской столице сыграла одна из ее дочерей, а именно фрау К.

Отношения их, как уже говорено, получили трещинку сразу по приезде, и Гаврила тут же это неблагополучие и усугубил. Начав торговлю, он, конечно, предложил сухой розе красный кармин, дабы подрумянила она свои бледные ланиты. Фрау К. обиделась смертельно и тут же нажаловалась Никите. Смысл ее речей сводился к тому, что «может быть, она и не красавица и, может быть, ей не двадцать лет, но она никому не позволит... и так далее». «Немедленно отвяжись от фрау К.», – приказал Никита камердинеру, но этим только подлил масла в огонь. Камердинер хотел бы отвязаться, да не знал, как это сделать,

жили-то рядом! Скоро разногласия Гаврилы и квартирной хозяйки приняли более жесткий характер, потому что затронули проблемы национальные, а также победителей и побежденных. Гаврила был обозначен как человек жестокий, нетерпимый, глупый, а также оккупант и феодал. Враждебные стороны были безукоризненно вежливы, но не разговаривали, а шипели, как сало на сковороде. Зная вполне сносно разговорный немецкий, Гаврила не достаивал им хозяйку, а в витиеватую немецкую фразу вставлял столько слов из родного «великого и могучего», что сам себя с трудом понимал. Фрау К. вообще разговаривала только пословицами, считая, очевидно, что с народной мудростью не поспоришь. Allzurlug ist dumm[б - Умный учится, дурак учит.] – этой фразой кончала она беседы с камердинером.

Такая была расстановка сил, когда Никита сообщил, что собирается уезжать из Кенигсберга, оставив Гаврилу здесь. Последних слов камердинер просто не услышал, сказав «глупости какие», и тут же начал собираться и спрашивать, что готовить на сегодняшний праздничный ужин – отметить надо событие!

– Гаврила, я еду в армию... на войну, понимаешь?

– И на войне бриться надо, а кто вам воду поутру согреет? Кто умоет, кто оденет?

– Сам оденусь, в конце концов! Денщика мне Белов даст...

– Глупости какие! Белов ваш только брать умеет, а чтоб давать...

Они препирались до самого вечера, Гаврила меж тем успел приготовить «курю в щах богатых» и «блины тонкие», расходуя, по мнению хозяйки, немыслимое количество дров. В довершение всего был приготовлен взварец – великолепный напиток из пива, вина, меду и корней разных с пряностями.

Гаврила сам предложил позвать фрау К. к столу – «расставаться надо подобра, а то пути не будет». Фрау милостиво согласилась: выпила, откушала, опробовала, привезенная из России черная икра произвела на нее особо сильное впечатление, а то, что Гаврила прислуживал за столом и с поклоном подносил ей кушанья, примирило ее полностью с феодалом и оккупантом.

Но за десертом Гаврила развязал язык:

– Смешной вы, немцы, народ...

– Прекрати, Гаврила...

– Слушаюсь, ваше сиятельство... Так вот, сколько лет с вами вожусь, а понять не могу, с чего вы такие скопидомы? – последнее слово он, естественно, произнес по-русски.

– Что есть скопидом? – доброжелательно поинтересовалась фрау.

– Скопидом – это такой гомункулус, который себя и близких своих из-за талера удавит...

Фрау К. посмотрела на Никиту, ожидая внятного перевода, но поскольку он его не сделал, как могла поддержала разговор:

– Талер сейчас очень хорошие деньги!

Даже Гаврила не нашелся, что можно на это возразить. По счастью, Никите удалось отвести разговор из-под падающих Гавриловых бомб на более спокойные позиции. Стали обсуждать тяготы войны, высокие цены, разговор как-то сам собой вышел на Белова. То да се, и вдруг спокойным тоном брошенная фраза:

– Господину Белову нужна была моя квартира, чтобы следить во-он за тем домом.

– А что это за дом такой? – насторожился Никита.

– Торговый дом Альберта Молина. Господин Белов все искал какого-то человека со странной фамилией... Я один раз слышала, он обсуждал с кем-то... но забыла.

– А у Белова бывали гости?

– О, да... Иногда бывал симпатичный такой человек... он моряк. Фамилию его я забыла, но он сам мне ее перевел – степная лисица.

– Корсак! – воскликнул радостно Никита.

– Вот именно. Было еще много господ офицеров. Веселые люди, деньги и вино лились рекой. Один раз был переводчик из замка, он немец, зовут его Цейхель, но они поссорились, и крупно. Говорили, чуть до дуэли дело не дошло, но я думаю – врут, – язык сухой розы слегка заплетался, щеки без всякого кармина украсились румянцем, она была счастлива. – Бывал еще один немец... а может, и не немец, я не поняла его национальности. Да и зачем банкиру национальность? А господин Бромберг оч-чень уважаемый человек. Господин Белов его отличал, можно даже сказать, что они дружили.

– А вдруг Белов написал этому Бромбергу письмо из армии?

– Может, и написал, – она вздохнула слегка, – вдруг. Господин Белов не из тех людей, кто не пишет писем. Знаете, есть такие люди, которые не выносят самого вида пера и бумаги, таким был мой покойный муж, все счета за него вела я, а господин Белов писал, да... – фрау К. жевала слова как жвачку, она не могла остановиться, и это чудо, что Никите удалось сдвинуть ее с эпистолярной темы и узнать адрес банкира Бромберга.

Наутро он посетил его крупный, представительный особняк из красного кирпича. Но с банкиром Оленеву не повезло. Неулыбчивый служитель сообщил, что господин Бромберг отбыл из города по делам, а когда вернется – неизвестно.

Через день паспорта Оленева и камердинера его были подобающим образом оформлены, можно было отправляться в путь. Узнав, что князь Оленев поедет в собственной карете, отец Пантелеймон обрадовался.

– Экипаж у меня просторный, четырехместный, но я забыл уведомить, что со мной поедет попутчик – пастор Тесин. Он личный священник самого фельдмаршала Фермера.

– Как? Лютеранин?

– И житель Кенигсберга... приезжал сюда по делам, а сейчас возвращается в армию.

Выехали рано утром при плохой погоде, дождь сеял над всей Пруссией. Не проехали и десяти верст, как Оленев перебрался в карету отца Пантелеймона, уж очень интересовал его попутчик, пастор Тесин.

Это был молодой человек лет, пожалуй, двадцати пяти, а может, и того моложе, узкоплечий, среднего роста. Черный плащ с белым воротником и кургузый парик придавали ему чопорный вид, но ясноглазое и белозубое лицо пастора дышало здоровьем и благорасположением ко всему сущему. Он был хорошим собеседником, умел слушать, вовремя улыбался, был откровенен в суждениях, только имел некую странную особенность. В самый разгар беседы он вдруг из нее как-то выпадал, задумываясь отвлеченно, из-за чего лицо его принимало растерянное, даже болезненное выражение. Столкнувшись с этим первый раз – разговор шел о какой-то мелочи, – Никита смутился:

– Я огорчил вас, святой отец?

– Отчего же? Нет. Это я с ангелами беседовал, – и улыбнулся сияюще, нельзя было понять, шутит он или говорит всерьез.

Поводом к сближению послужило воспоминание об юности университетской, пастор учился в Галле, но, к удовольствию Никиты, знал и Геттингенский университет. Они с удовольствием обсудили студенческие традиции, экзамены, любимых педагогов и ночные попойки.

– Неужели и вы пили, святой отец?

– А как же? Кто из нас не был молодым? – весело отвечал пастор и тут же гасил улыбку – сан обязывал.

Как выяснилось из разговора, пастор хотел быть юристом, но отец уговорил его избрать церковное поприще.

– Да это было и не трудно, – подытожил он свой рассказ. – Вера всегда для меня была драгоценна.

Никите очень хотелось спросить, как Тесин, немец, согласился быть пастором во враждебной армии, но боязнь показаться бесцеремонным удержала его

любопытство. Но Тесин вдруг сам вышел на этот разговор, дорога вообще располагает к откровенности, а здесь симпатии к нему князя и отца Пантелеймона были очевидны. Это был не просто рассказ, но исповедь.

– Всевышний послал мне суровое испытание, – начал он почти спокойно. – Когда ваш фельдмаршал предложил мне стать его личным пастором, это смутило меня до чрезвычайности. Как это можно – предать свою страну, народ, культуру? Конечно, я отказался. Тогда меня вызвали к самому графу Фермору, он повторил свое предложение. И тут же резко спросил: почему я отказываюсь? Перед этим разговором я не спал всю ночь, глаза были, знаете, воспалены, язык не ворочался. Но я ответил твердо, не могу, мол, быть предателем. – Лицо Тесина выражало сильнейшее волнение, видно, труден был этот вояж в недавнее прошлое, плечи его поднялись, из-за чего фигура стала еще уже, руки судорожно сжаты, он опять стоял перед фельдмаршалом и мучился все теми же проблемами. – Граф Фермор смотрел на меня строго, но я видел, чувствовал, ему тоже неловко, он слишком хорошо меня понимал. Он сам лифляндец, служит России, воюет с Россией... Он сказал мне строго: «Знаете ли вы, что я генерал-губернатор Пруссии? Прикажу, и сам придворный пастор Ован пойдет в мою армию!»

Пастор вдруг застыл и исчез в голубиных высях, на лице его застыла полуулыбка, образовавшая у губ горькие и нежные складки.

– Ну и что же? – не выдержал паузы отец Пантелеймон.

– Как видите – согласился. Отец очень просил. Боялись ведь, кто знает, что дальше придет в голову русским... Ах, простите, – он смутился, понимая, что сказал лишнее.

– Именно так, – поддержал его Никита. – Русские зачастую сами не знают, что придет им в голову через пять минут.

– А зачастую вообще ничего не приходит, – поддержал отец Пантелеймон.

– И знаете, я так рассудил, – продолжал Тесин, подбодренный последним замечанием. – Уж лучше я, чем кто-то другой. В моей душе нет злобы к... завоевавшему нас. Граф Фермор очень мягко поступил с моим городом, очень мягко, и я ему за это благодарен.

Лошади резво бежали, карета катилась по усыпанной лесной хвоей дороге, потом вдруг открывались озера, радующие глаза своей безмятежностью и синевой.

«Фермор-то добр, и хорошо, что немцев пожалел, – думал рассеянно Никита, – да как бы ему это боком не вышло... со временем».

Как покажет время, герой наш был прав, но об этом разговор впереди.

Начало кампании

Пока фельдмаршал Фермор стоял лагерем у покрытой льдом Вислы и ждал ее вскрытия, полк Белова в числе прочих занимал польские города. Вслед за Данцигом были заняты Кульм, Торунь. Пытались взять штурмом Мариенбург, да жители не дали, отстояли город. Тем временем Висла вскрылась, очистилась ото льда. Первым переправился на ту сторону корпус Панина, за ним последовал штаб армии, чтобы остановиться в местечке Диршау.

Белов с полком так и остался в Торунь. Как только кончилась зимняя кенигсбергская жизнь, когда ушли в прошлое балы с танцами, приятное женское общество и лекции по философии, когда бои на шахматном и бильярдном поле сменились на ружейную канонаду и свист ядер, а пуховые перины на дурно пахнущий сырой тюфяк (каналья денщик, непонятно, откуда у него руки растут?), Александр тут же возненавидел войну.

Нет, право слово, это занятие совсем не похоже на то, чего он хотел от жизни. Он не любит убивать людей только за то, что они немцы! Среди товарищей он не скрывал глубокой неприязни к войне. Если бы это не противоречило его чести, он бы немедленно подал в отставку. Спросим себя, чего он здесь потерял – в польском Торуне?

– Фи, Белов, быть штатским так глупо! – негодовали сослуживцы.

Что же здесь глупого? Он пошел бы, скажем, по дипломатической части. У него есть к этому склонность, и что важнее – связи.

– Дипломаты все негодяи! Политика – грязное дело. Там все построено на интриге. Армия – это лучший вид мужского военного братства!

И то правда. Белов любил военные мужские компании. Разговоры раскованны, доверие полное, вина в изобилии (сознаемся – дрянного качества, хорошего вина в Польше сейчас не достанешь!). Но уж если играть, господа, то не ломбер! Это игра стариков. Квинтич – и я к вашим услугам. Делайте ваши ставки, судари мои!

После угарной ночи хорошо бродить по сонному городу и радоваться, что прекрасные улочки, дышавшие средневековым дома не пострадали от артиллерии. Совсем по-мирному сияют католические кресты на костелах Св. Яна и Св. Якуба, отсчитывают время разноликие часы на башне ратуши (на каждом циферблате разное время). В городе было много голубей, старой черепицы и весенней зелени. Невысокий спуск к Висле был мощен щербатым, проросшим мхом булыжником, к воде вели каменные, узкие ступени. Вода в реке была желтой и мутной.

И с каких это пор, господин Белов, вы любите одиночество? – спрашивал себя Александр. С тех пор как стала ныть некая точка под сердцем, горячая, как уголек. В одиночестве хорошо разговаривать с самим собой – может быть, и не бог весть какой умный собеседник, да уж какой есть... Ты будешь сидеть здесь, в Торуне, в Польше, в Диршау – где прикажут, и так до самого конца этой никому не нужной, нелепой войны. Ты не посмеешь явиться в Петербург, говорил один Белов другому.

Это почему еще?

А потому, что ты был арестован в кабинете Апраксина, и не важно, что чудом вышел на волю. Бывший фельдмаршал под арестом, и тебя в любой момент могут повезти в столицу под конвоем. А твой враг и твой друг Бестужев тоже под арестом, и за тебя, дурака, некому заступиться. Молись Богу, Белов, чтоб не угодил ты в крепость хошь по делу Апраксина, хошь Бестужева.

Уголек под сердцем разгорался до яркого пламени, как только он начинал думать об Анастасии. Письма от жены приходили редко, и в каждом она писала о смерти. Хорошее утешение мужу на поле брани. «Светик мой, грудь болит, тоска, приезжай, а то не свидимся больше». И это в каждом письме.

И почему так нелепо сложилось все в жизни? Любил лучшую в мире женщину – прекрасную, богатую, недоступную, мечта о ней имела тот же призрачный привкус, что и греза о царице Савской. Случилось чудо – она стала его женой. В детстве он думал, что понятия «чудо» и «удача» связаны знаком равенства. Но их супружескую жизнь можно обозначить каким угодно словом, но только не счастьем. «Ты меня не любишь, я твой крест...» – писала жена. В первом утверждении она не права. Что же тогда любовь, если и по сию пору он не встречал женщины, которая могла бы сравниться с Анастасией Ягужинской. Но если любовь эта постоянная боль, то она права. А может, большая любовь вообще крест? Но и к кресту привыкаешь, вот в чем бесовская подлость жизни! Эта боль сродни физическому недугу, скажем, такому, как язва в кишках или не проходящие струпья. Жить с этим неудобно, но от таких болячек не умирают.

Кончилось все тем, что он взвыл от тоски, ругая себя за постылые мысли, стыдясь их и требуя от судьбы немедленного вмешательства, чтоб поставила жизнь его на дыбы, взорвала ее и двинула куда-нибудь прочь из этого тихого польского города. В конце концов мы явились сюда воевать. Так будем же воевать, черт возьми! Пора бы уже русской армии сдвинуться куда-нибудь с мертвой точки. Уже июнь, господа! Когда же мы скрестим шпаги с Фридрихом?

Так думал не только Белов, вся армия была в брожении. Близкие к штабу всезнайки, а может быть, сплетники, с полной определенностью говорили, что целью летней кампании будет главное, кровное государство Фридриха – Брандербургия. Но положив руку на сердце, можно было с полной достоверностью утверждать, что о точных намерениях Фермора в этот момент не знал даже Господь Бог. А посему прусские шпионы, которыми Фридрих наводнил русскую армию, не могли сообщить в Берлин ничего определенного, что тоже имело положительный момент в общем плане кампании.

Фермора назначили на пост фельдмаршала после Апраксина, новый главнокомандующий обязан был быть осторожным. Насмешки и злопыхательства Европы по поводу ушедшей в песок Гросс-Егерсдорфской победы продолжались недолго. Французы перестали смеяться в октябре, потерпев сокрушительное поражение при Росбахе, австрияки в ноябре после Леутина. Беспечное шведское войско вторглось было в прусскую Померанию, но генерал Левальд, оправившись после Егерсдорфа, быстро выдворил их оттуда. В декабре Фридрих прибавил к своим победам еще сражение при Лейдене, где наголову разбил австрияков.

Но это все в прошлом году. Теперь же в начале летней кампании все мечтали отомстить Фридриху за его торжество над великой коалицией. Разумеется, и Франция, и Австрия хотели мстить чужими руками. Мария-Терезия писала своему послу в России Эстергази, что теперь в Европе все зависит от русской армии, которая своими действиями одна может подкрепить и оживотворить движение союзников. Эстергази обивал пороги в приемной Елизаветы. Императрица давила на Конференцию, ее члены слали депеши, призывая Фермора выступить немедленно.

Но новый фельдмаршал не торопился. Помня горький опыт Апраксина, он укреплял провиантскую часть, оборудовал магазины и приводил в порядок транспортное хозяйство – без фуража и крепкой сбруи не повоюешь. В Петербург же он писал, что ждет подхода всей армии из Пруссии и Польши, дабы собрать ее в крепкий кулак. Должен был подойти также Шуваловский, так называемый обсервационный корпус, состоящий из людей отборных как по храбрости, так и по физическим данным. Корпус шел из самого Петербурга.

Планы Фридриха были тоже окутаны тайной. Прусский король придавал огромное значение уменью обмануть противника, направить его по ложному пути. Но на этот раз он обманул сам себя. Путем сложной работы король подсунул австриякам, как сказали бы сейчас, дезинформацию, уверив их, что после взятия Швейдница в Силезии пойдет в Богемию. Австрияки попали на удочку и сосредоточили в Богемии свои войска, но при этом оставили без защиты Моравию. Туда и двинул Фридрих. Операция готовилась в строжайшей тайне, в прусской армии на шесть недель была запрещена переписка. В Моравии Фридрих приступил к осаде Ольмица и потерпел полную неудачу. Впоследствии он приписывал неудачу не мужеству защитников крепости, а ошибке своего инженера Балби, который разместил артиллерию слишком далеко от крепостного вала, и половина ядер не попадала в цель.

На этом неудачи Фридриха не кончились. Все знают, какого труда ему стоило доставать оружие и провиант, как сложно было подвозить его в армию. И вдруг сообщение – австрияки захватили тридцать семь возов с порохом, продовольствием и деньгами. На эту грабительскую вылазку король мог ответить только одним, найти и ограбить магазины противника.

Ах, если бы у Фридриха были в достатке деньги, он бы завоевал весь мир. В начале года Англия дала четыре миллиона талеров. С помощью этих денег Фридрих начеканил свои, очень невысокого качества монеты, получив возможность продолжить войну. Еще надо было переукомплектовать армию. Помимо новых рекрутов из саксонских, ангальтских, мекленбургских областей в армию влились пленные австрияки, шведы и виртембергцы. И теперь эта армия, выпустив 180 тысяч ядер и бомб, не смогла захватить моравскую крепость Ольмиц.

Но Фридрих не любил долго задерживаться на одном месте. Стремительность – вот его девиз. Он снял осаду Ольмица и ушел в Силезию.

Границы с Восточной Пруссией и Польшей, там, где стояли русские войска, его мало беспокоили. Фридрих считал победу русских при Гросс-Егерсдорфе случайностью. И еще, пожалуй, отрицательную роль сыграла неспособность генерала Левольда быстро принимать решение. Левольд постарел и устарел, а руководить и этой войной должны молодые. Выбор короля пал на генерала Дона. Он поставил графа Дона во главе корпуса скорее не для защиты от русских, а для наблюдения за ними. Читая донесения шпионов, он убедился, что дисциплина у русских низка, солдат кормят плохо, они ни обуты толком, ни одеты, среди них процветает мародерство, офицеры дураки. Фридрих писал генералу Кейту: «Мы разделаемся с ними недорогой ценой... это жалкие войска».

Русская армия воссоединилась где-то в середине июня и тут же поднялась со всей артиллерией, полками гусарскими, драгунскими, кирасирскими, гренадерскими, огромными, длиной на многие версты обозами и двинулась на юг. Пунктом назначения был польский город Познань.

Во время дислокации Белов по делам службы был вытребован в штаб, а когда направлялся в свой полк, совершенно неожиданно нос к носу столкнулся со старым своим знакомцем Василием Федоровичем Лядащевым.

– А вы как здесь? – поразился Александр. – Или опять служите? Но почему в штатском?

Лядащев весело рассмеялся.

– По тому ведомству, по какому я служу, можно хоть голым ходить, вот только холодно. Ты сейчас куда?

– В местечко М. А вообще-то вроде в Познань.

– Ну вот там и встретимся, – пообещал Лядащев и устремился по своим таинственным, только ему известным делам.

Однако встретились они много позднее, и при обстоятельствах, прямо скажем, удивительных.

В поисках фуража

В Познани русская армия не задержалась. Первого июля Фермор двинул войска на запад к Бранденбургской границе. Двигались медленно, мучительно, даже при хороших немецких дорогах обозы не успевали вовремя доставлять провиант. Конечно, пошли дожди.

Когда читаешь в архивах двухсотпятидесятилетней давности военные документы, все эти докладные и рапорта от Фермора и к Фермору, мнения, протоколы и рапорты, то искренне удивляешься – от бумаг этих пахнет никак не порохом, не разрывающимися ядрами, слышатся не крики конницы, полков драгунских и кирасирских, а рассудительные, иногда алчные, чаще умоляющие голоса интендантов. Скажем, рапорт государыне Елизавете о снабжении армии обувью. Главный интендант армии князь Шаховской Яков Павлович с рабской покорностью сообщает, что совсем невозможно солдат на войне «от босоногости предохранить». «Сапоги и башмаки в обветшалость приходят гораздо быстрее, чем мундирные приборы»[7 - Мундиры, одежда и прочий приклад.], через чего солдатам приходится «не малый вред ногам своим ощущать». Посему Шаховской просит государыню, просит подробно и обстоятельно, дать возможность получить через полковые и ротные учреждения материал для починки старых обуви: кожу, каблуки, набойки, «снурки и пришивки к старым голенищам». В конце петиции Шаховской в искреннем порыве прижимает руки к груди: «коли соблаговолит государыня, к скорейшему успеху образом все исполнить потщусь». Дальнейшее предположить не трудно. Так и видишь, как лукавый интендант пускает означенный материал на сторону. Но поставщики в армии

всегда воровали (и добро бы только поставщики, и хорошо бы, чтоб только в армии).

Босоногая и голодная армия наша двигалась на запад, непрерывно сражаясь по дороге с малыми неприятельскими отрядами, которые были оставлены Фридрихом для охраны гарнизонов.

К 15 июля передовые отряды и штаб вышли к местечку Мезерич, да здесь и остановились. Продолжительные дожди измучили людей и лошадей, надобно было посоветоваться, что делать дальше.

На следующий день состоялся расширенный военный совет, на котором барон Андре, постоянный представитель австрийской армии, первый взял слово и говорил долго. Из его доклада как-то само собой выходило, что главная задача Фермера и всего русского воинства состояла в том, чтобы не дать Фридриху принести какой-либо ощутимый вред австрийской армии. Генерал Андре не столько советовал, сколько рекомендовал Фермору перейти реку Одер около Франкфурта, с тем чтобы у местечка Лузации слиться с австрийским войском. Слившись, обе армии будут общими силами отвлекать Фридриха от полного захвата Силезии.

Фермор больше молчал и слушал, а его штабные – генерал-поручик Голицын и Чернышев возражали, де, в указанном месте нет ни провианта, ни фуражу, не соломой же с крыш лошадей кормить? Если нет лошадей, то нет провианта, а голодный русский солдат отвлекать Фридриха от Силезии не будет.

Хоть и не без труда, генерала Андре уговорили, что переправляться через Одер у Франкфурта русской армии никак не сподручно, поскольку прусский генерал Дона снял осаду со шведской крепости Стральзунд и теперь поспешает сюда, дабы мешать нашему продвижению. Решено было поменять направление армии на северное, с тем чтобы поискать другую, более удобную переправу через Одер.

Через день пути русская армия остановилась у Лансберга, обычного прусского городка с четырехугольной площадью, окруженной сплошными высокими зданиями, построенными из камня и фахверков. На площади высилась старая ратуша, рядом собор, все первые этажи были заняты лавками, где можно было купить овощей и выпить кофе с булкой.

Полк Белова расквартировали на окраине городка, что было большим везеньем, можно было по-человечески выспаться на белье и под периной. Дело в том, что фельдмаршал завел фасон ночевать в чистом поле в высоком шатре, и многие полки обязаны были следовать его примеру.

На следующий день выяснилось, что ноги у лошадей находятся в бедственном положении, их необходимо подковать. И как всегда необычайно болезненно встал вопрос фуража. Полковому интенданту было велено взять с собой десять человек солдат и поехать в ближайшее местечко, дабы купить сена и найти кузницу. Через несколько часов офицер воротился ни с чем, кузница оказалась то ли закрытой, то ли негодной, за сено ломили неправдоподобную цену. Интендант заверял, что можно найти сено в два, а может быть, и в три раза дешевле. А чем, позвольте вас спросить, кормить лошадей сейчас? Мало того что бестолковый интендант не выполнил приказа, так он еще по дороге потерял половину солдат. Рассказ его был сбивчив и бестолков. Вначале вроде ехали вместе, а потом вроде солдаты решили заехать в соседнюю деревню «попить молочка».

– А что ж, все десять поехали молочка попить?

– Не пустил.

– Отчего же пятерых пустили?

Интендант только пожал плечами. Белов знал фамилии любителей парного молока. Эти гренадеры в полном смысле слова оправдывали название полка, куда брались самые высокие солдаты, косая сажень в плечах. В Семилетнюю гренадеры вообще пользовались хорошей славой, а офицерами в этих полках стояли лучшие военные кадры. Но ведь от широкости характера и без присмотра русский человек, будь он хоть в форме, любую глупость может учинить. А эти пять уже были на примете. Словом, Белов взял ординарца и поехал искать своих гренадеров, а заодно самому выяснить положение с кузницей и сеном.

До местечка М. было десять верст. Это была маленькая, чистая, сытая деревушка. Дом торговца фуражом сыскался быстро. Как только хозяин увидел Белова, он тут же в крик стал жаловаться на бестолкового интенданта – фураж уже в тюках, взвешен, погружен. «Промотал деньги, мерзавец, – подумал Белов про интенданта. – А может, шкура, нажиться хотел?» Вопрос с кузницей тоже быстро решился. Платить надо кузнецам-то, хоть они и немцы, а не орать на них выпучив глаза». «Я ему рожу-то разукрашу...» – шептал злобно Белов, кляня

мерзавца интенданта.

Ординарец с лошадьми болтался у колодца. Здесь же на круглой деревенской площади произошла неожиданная встреча. Белов только мельком бросил взгляд на беседующую в тени лип пару – долговязого драгунского подпоручика и высокого католического монаха в выцветшей коричневой сутане. Монах невольно обращал на себя внимание, отброшенный на плечи капюшон обнажил могучую, как у воина, шею и лицо мыслителя с большим куполообразным конопатым лбом.

Поговорив с ординарцем, Белов оглянулся.

Монах уже шел прочь быстрым, деловым шагом. Только тут Александр узнал в драгунском подпоручике знакомого переводчика из Кенигсберга – Цейхеля. Оба очень удивились этой встрече.

Между Цейхелем и Беловым никогда не было добрых отношений. Александра непереносимо раздражала способность Цейхеля всюду совать свой немецкий нос, он был не просто любопытен – настырен. И что удивительнее всего, рекомендовал Цейхеля Белову банкир Бромберг, умный и весьма уважаемый человек. Но насильно мил не будешь. Как-то они поспорили с Цейхелем из-за сущей безделицы – кто лучше смыслит в пистолетах. В результате разругались, подрались как-то глупо, по-мальчишески, и Цейхель схлопотал стволом пистолета по затылку, не больно, но обидно. Крику было – святых выноси, но чтобы драться на дуэли?.. «Простите, я не такой идиот», – заявил Цейхель. Вот и весь сказ.

Но встретить в глухой польской деревушке знакомое лицо, пусть даже Цейхелеву рожу, все равно приятно. Но, видимо, немец был другого мнения. Он не только удивился встрече, но смутился страшно, словно его застали за чем-то предосудительным.

– Вот уж не ждал, что вы отправитесь на войну, – заметил Белов.

– Служу. Переводчиком.

– Мой полк стоит в Ландсберге, а сюда я за фуражом явился. – Надо же было о чем-то говорить.

– И мой в Ландсберге. И я приехал за фуражом, – поддакнул Цейхель.

– С каких это пор переводчики отнимают хлеб у интендантов? – рассмеялся Белов. – А с монахом вы о сене беседовали? Я и не знал, что вы католик.

Цейхель переменился в лице.

– С монахом я беседовал не о сене. Но прошу вас, господин Белов, сохранить эту встречу в тайне.

Дальше Цейхель понес сущую околесицу. Да, он католик, и это его боль. Оказывается, русские вовсе не так веротерпимы, как хотят казаться. Он, Цейхель, наивно думал, что они любую религию допускают, но это не так. Главнокомандующий Фермор – тот вообще лютеранин, а это еще хуже. Сейчас они вместе поскачут в Ландсберг, а по дороге он, Цейхель, подробно расскажет, как трудно быть католиком. При этом страдалец и веротерпец с хрустом ломал пальцы и смотрел на Александра с собачьей преданностью.

А вот это увольте... Переводчик уже мучительно надоел Белову. Идея скакать с ним рядом и слушать нервные всхлипы казалась отвратительной. Он тут же уговорил себя, что ему необходимо наведаться в штаб, то есть на обширное поле в двух верстах от местечка М. Чем черт не шутит, может, его гренадеры тоже где-то там обретаются. Вежливо, без улыбки он расстался с горестным католиком, и они разъехались в разные стороны.

После дубовой рощи и чахлого ручейка, заросшего ольхой и крушиной – совсем русский пейзаж, – он выехал на огромное, плоское, как поднос, поле.

Еще издали Белов увидел высокий, круглый, на манер турецкого, шатер фельдмаршала, а рядом зеленую палатку, в ней обычно свершались богослужения по лютеранскому чину. Шагах в десяти стояла палатка русского протопопа – там была православная церковь. Фермор был благочестив и следил, чтобы в армии неукоснительно соблюдались все церковные обряды и богослужения.

Белов совсем запомнил, что сейчас было как раз время службы. Происходящего в самих палатках – храмах видно не было, но вокруг

православной палатки множество людей стояли на коленях, в первых рядах разместились калмыки и казаки из личной охраны самого Фермора. Фельдмаршал находился в зеленой палатке, вокруг тоже стояли лютеране. Их было много, гораздо больше, чем представлял себе Белов.

Протопопа армии он видел только однажды, когда их святейшество приезжал в полк для наказания отца Онуфрия. К стыду сказать, их полковой священник был пьяница и никак не вызывал уважения офицерства. По установленному в армии правилу протопоп мог наказывать провинившегося телесно, то есть отдать под кнут. Протопоп понравился Белову: лицо румяное, спокойное, темные волосы без седины, аккуратно подстриженная борода. Черная бархатная ряса сидела на нем отлично, – не было на ней ни пылинки, хотя протопоп приехал в полк верхами, как обычный военный. Протопоп внимательно выслушал все жалобы. Офицеры честили отца Онуфрия на чем свет стоит, де, расхаживает по лагерю в непотребном виде, службу ведет гугниво, слова забывает и текст божественный сглатывает. А виной тому водка проклятая! Постепенно азарт ругающих стал утихать, слышались вначале робкие, но потом набирающие силу голоса защиты. Со вздохом вспомнили вдруг, что не так уж он плох, наш отец Онуфрий, во-первых, добр и слово сочувствия всегда найдет, во-вторых, отнюдь не трус. Ну, бывает, выпьет в холодную ночь после того, как промесит верхами многие версты грязи. А он что – не человек? И пьяным-то он бродил по лагерю всего два раза, а теперь клянется, что никогда подобного не повторится. Словом, отмолили офицеры своего полкового священника, вместо неминуемого наказания получил он только словесное внушение.

Белов оставил лошадей и прошел вместе с ординарцем к православной палатке. Служба шла истово, только вдруг возникал в рядах молящихся непонятный мирской шепоток, бросят фразу о каких-то мародерах, о предстоящем опознании, и опять углубляются в молитву. Александр тоже преклонил колена, пытаясь сосредоточиться на высоком, но шепотки не утихали, так и порхали вокруг. В конце службы он узнал историю о мародерах, к сожалению, на войне весьма обычную, и сердце его сжалось – неужели это его гренадеры вызвали такую панику в лагере и неудовольствие высокого начальства?

История была такова. Накануне службы полковой пастор из лютеран принес графу Фермору жалобу от местного арендатора. Русские богатыри не только ограбили его дом и унесли пожитки, но избили самого арендатора и как-то очень по-скотски обошлись с его женой. Говорят, Фермор пришел в ярость и велел выстроить весь полк синих гусар.

– Синих гусар? Я не ослышался?

– Именно. Выстроить весь полк, чтобы сразу после службы найти виновных.

Как ни чудовищна была история, у Белова отлегло от сердца – гнусное преступление совершили не его молодцы, другие. И не он, а другой полковник будет тянуться перед фельдмаршалом и, бледный от стыда и злости, выслушивать сухое, корректное, но весьма обидное поношение.

Служба меж тем кончилась, из зеленой палатки вышел Фермор со свитой. Фельдмаршалу было пятьдесят, в одежде никаких излишеств, голубой кафтан с отворотами, голубая лента через плечо, на груди ни одной награды, хоть говорили, орденов у него немало. В отличие от грузного Апраксина Фермор был среднего роста, сухощав, с лицом строгим и бледным. Главнокомандующий махнул рукой и решительно направился в дальний край поля, к палаткам голубых гусар. Свита последовала за ним.

Опознание

Синие гусары были уже построены. Вид у них был хмурый, на всех лицах застыло одно общее выражение – крайнего недоверия к предстоящей процедуре, опаски и вызова. Это что за экзерциция такая, когда гусар сняли с коней их и выставили, словно пехотинцев, на всеобщее любопытство и обозрение. Опознание, говорят... А кому поверили? Какому-то немчуре! Ну, производили иные из нас рекогносцировку в тылы противника, целый день верхами, голодные, холодные, а немчура небось браткам есть не дал и ругался непотребно.

Немчура стоял здесь же, молодой еще, кряжистый, бородатый, со знатным синяком и вздутием под левым глазом и лютой ненавистью в правом, ясно смотрящем. К Фермору он подходить боялся, а все больше обращался к пастору в черной сутане с ярким белым воротником. Рядом с пастором возник вдруг какой-то долговязый штатский, очевидно, из волонтеров, а может, судейский, пошептал в ухо и исчез. Белов неожиданно обозлился. Виноваты гусары – накажите, все знают – за мародерство Сибирь, а то и расстрел по законам военного времени. Но спектакль из армии на потребу всяким штатским

немецким штафиркам устраивать, – это значит достоинство русского солдата унижать!

– Начинается досмотр! – крикнул кто-то срывающимся голосом.

Фермор опять коротко взмахнул рукой и пошел по рядам. За ним, еле поспевая, бежал арендатор, зорко вглядываясь уцелевшим глазом в хмурых гусар. «Не то, не то, – повторял он по-немецки. – Я тех негодяев на всю жизнь запомню!»

Рядов гусар было три, и как ни быстро шел Фермор, опознание заняло порядочно времени. Мародеры все не находились. Когда были осмотрены все до одного человека, честный арендатор, подводя итог, выдохнул последний раз «не то» и поднял недоумевающий взор на фельдмаршала. На лице его он увидел явное неудовольствие.

– Что же, нам еще раз по рядам идти? – спросил Фермор в крайнем раздражении. – Может быть, вы плохо видите из-за своего увечья?

О, нет, какое там увечье, видит он превосходно, но среди этих гусар нет тех негодяев. Может быть, негодяи были из других полков, а только нацепили мундиры синих гусар? Они были высокие, оч-чень высокие, подлые, страшные, ужасные, жестокие...

– Это я уже слышал, – Фермор явно не знал, как поступить дальше, ситуация явно зашла в тупик, но оставить гусар безнаказанными было никак нельзя.

Сердце Белова опять дрогнуло от понятных предчувствий, а вдруг эти высокие, ужасные, жестокие и есть его любители парного молока, но в этот момент мягкосердная судьба все расставила по своим местам. Вперед вышел гусарский офицер.

– Ваше высокопревосходительство, осмелюсь доложить, полк построен не в полном составе. Несколько человек посланы в команду. Надобно и их проверить...

Арендатор, а вместе с ним и Ферморова свита, вздохнули с явным облегчением. Все как-то сразу поверили, что негодяи находятся в числе отсутствующих,

а впрочем, черт с ними, где бы они ни находились, только бы кончился скорее этот стыдный, всех смущающий спектакль.

К пастору опять подошел длинный франт, то ли волонтер, то ли судейский, а поскольку он был на голову выше лютеранского попа, то склонился перед ним подобострастно – все выслужиться хотят перед Ферморовым духовником. Белов машинально прошел вперед, всматриваясь в штатского, а тот, явно почувствовав на себе взгляд, повернул голову, и Александр, с изумлением и счастьем почти детским, понял, что никакой это не франт, а Никита Оленев. На лице друга появилась нерешительная улыбка, он словно боялся поверить в чудо встречи, потом он вздохнул глубоко и бросился к Александру.

Через час друзья сидели в чистой горнице временного Сашиного пристанища, а хозяин заставлял стол пузатыми бутылками с легким лифляндским пивом, июльскими дарами огородов, принес и жареную курицу, и тефтели с подливой – сил нет, вкусно!

Александр ликовал. Вернувшись в полк, он узнал, что любители парного молока давно вернулись из своей «рекогносцировки», за фуражом были посланы подводы. Теперь он принадлежал только себе и Никите.

Ели, пили, балагурили, стараясь пока не говорить ни о чем серьезном, все по верхам: какая погода в Кенигсберге, каков характер у генерала Б. да кто такой пастор Тесин. Здесь же Никита рассказал, как был принят по рекомендательному письму Шувалова самим фельдмаршалом.

– Я бы не осмелился идти к Фермору, неловок, ты понимаешь, но пастор Тесин – поистине незаменимый человек – сам отнес мое письмо. Я был приглашен к обеду. Обед был в честь... не понял, в честь чего, но ликеры пили и виват кричали.

– Обед был в городе? У бургомистра небось?

– Что ты? В чистом поле, в его шатре, а суповые миски с позолотой внутри – по всем светским правилам. Смешно, право... Кушанья разносили гренадеры.

– Это не мои, – угрюмо сказал Белов. – Ни я сам, ни, гренадеры мои в шатер фельдмаршала не вхожи. И вообще, Никита, мои виды на славу, карьеру и успех

сузились во-он до той полоски на горизонте, – он указал в окно, на синенький просвет в пасмурном, закатном небе, – а вокруг все тучи, кручи и прочий беспорядок. Бестужев, мой враг и благодетель, пал, а других радетелей о себе не имею.

– Уж не повесил ли ты нос, гардемарин? – усмехнулся Никита.

– Повесил, на гвоздь...

– Ладно, сейчас я тебя развеселю, – Никита прихлебнул вина, отер рот. – Рад сообщить, что у вас, сударь, появился еще один радетель. Великая княгиня.

– Их высочество? – иронично скривился Александр.

– Именно. Она велела передать, говорю почти дословно, дело Апраксина не кончено, тебе никакая реальная опасность не грозит, но лучше не высовываться, если не хочешь быть востребованным как свидетель. Ты в этом что-нибудь понимаешь?

– К сожалению, – бросил Александр хмуро, и Никита понял, что друг не хочет подробничать на этот счет, ну и пусть его. – А с чего это вдруг великая княгиня дала тебе подобное поручение? – не удержался он от вопроса.

– Это длинная история. Она знала, что я еду в Пруссию. А в армию я явился не воевать, а к тебе за помощью.

Стало совсем темно, хозяин принес сальные свечи. Белов попросил еще пива. Вино кончилось... А не кофе же лакать в этой дыре, где чай не признают, а водку не гонят.

– Ну что там, выкладывай. – Белов подпер щеку рукой, неотрывно глядя на узкий язычок пламени.

– Я приехал в Пруссию на поиск княжны Мелитрисы Репнинской... – и Никита в меру подробно и совершенно откровенно рассказал все, что связывало его с «астрой и звездочкой», а иными словами, опекаемой им фрейлиной Ее Величества.

Александр слушал не перебивая, только лоб тер, словно хотел разгладить ранние морщины, а потом начал тереть нижнюю губу, которая кривилась в подобие улыбки.

– А ведь и впрямь развеселил, князь, – заметил он, когда Никита кончил свой рассказ. – Это ли не смешно, что мы одной и той же Мамоне служим, а получаем только зуботычины. Да, да, как говорили древние греки, посмотрел дурак на дурака, да и плюнул – эка невидаль...

– Я тебя не понимаю.

– Да уж куда там... Ты знаешь, зачем я ездил к Апраксину в ноябре? За этими самыми письмами.

– Да ну? – Никита был так ошарашен, что вскочил на ноги, тень от его фигуры зависла над Александром.

– А ты знаешь, как попали эти письма к фрейлине Репнинской? – с напором продолжил Александр. – Через батюшку, полковника Репнинского. Он был доверенным лицом великой княгини.

– А я-то подумал, что это она так расстаралась.

– Для себя их высочество расстарались.

– Да будет тебе, Сашка. Великая княгиня добра. Мелитрисе она вполне искренне хотела помочь...

Белов вдруг насмешливо сморщил нос:

– А ты не влюблен ли, гардемарин? Она хорошенькая – твоя фрейлина?

– Ну что ты порешь чушь? Влюблен – не влюблен... В этом ли сейчас дело? Сейчас главное – ее из рук Тайной канцелярии вырвать.

– А из первой бочки пиво лучше было... Не находишь? Это горчит, – он отставил кружку. – А с чего ты взял, что княжна в руках Тайной канцелярии? Скажи

на милость, зачем бы им тащить княжну в Пруссию? Они бы и дома подыскали хороший сырой каземат и повели неторопливое следствие. Да ты их повадки лучше меня знаешь.

Дверь вдруг распахнулась, и на пороге появился Гаврила в ночном колпаке и пледе.

– Вы, Никита Григорьевич, запомняли. Нам надобно Осипова искать, этого инкогнито. Вы бы порасспрашивали Александра-то Федоровича, он человек головастый. Э... – он вдруг сморщился, как от горького. – Вы уже оба, ваши сиятельства, того... хороши. – И он затянул на плаксивой ноте: – Свой-то запас уже выкушали. А еще русские баре... «Трактат о пьянстве сочиняли», Катулла читали, а теперь сидите на немецком подворье и лакаете уже четвертый час их неочищенную брагу.

– Гаврила, брысь! Это пи-во! – крикнул Никита и, любя правду, добавил: – Но, конечно, пьянит.

– А жерило[8 - Жерило – горло.] драть – не велика заслуга. – И горестный камердинер, напялив на лицо самое унылое выражение, удалился.

– Вот еще что мы не обсудили, – понизив голос, сказал Никита. – Помнишь, ты мне дурацкое письмо прислал, что-то про ворвань и горшечную глину?

– И про Сакромозо, – уточнил Белов показно бодрым голосом.

– Ну так я узнал о его приметах. Великая княгиня сообщила. Приметы эти мало цены имеют, потому как устарели. Красив, кареглаз, росту моего, то есть приличного, на подбородке имеет родинку в виде розового пятна.

– Пятно на подбородке ничего не стоит бородой или мушкой прикрыть.

– Наверное, он и прикрыл, потому ищи бородатого. И еще одну приметку подарила великая княгиня. – Никите подумалось вдруг, какое ребячество было запоминать эту подробность, да еще передавать это Сашке, он даже хохотнул вслед своим мыслям. – Когда Сакромозо волнуется или задумывается глубоко, то начинает вот эдак тереть руки, словно они у него сильно чешутся. Он знает,

что жест этот плохого тону, простонародный, поэтому, заметив за собой, что трет руки, тут же останавливает себя.

Никита ждал, что Александр тоже рассмеется, мол, хороша примета, вроде того что причесывается по утрам и ест правой рукой, но Белов стал очень серьезен.

– А ну-ка повтори еще раз...

Никита с готовностью повторил.

– Не может быть... Нет, чушь какая! Смешно, право. Но ведь это как посмотреть? Встречу дружка ситного, обрею до пяток.

– Чтоб пятно на подбородке найти?

– Именно, князь.

Как правильно отметил Гаврила, лифляндское пиво порядком затуманило друзьям голову, придав их разговору некую неповоротливость и многозначительность.

– Ты кого-то имеешь на примете?

– Банкир один имеется в Кенигсберге, толстый такой, бородатый... Ты его не знаешь.

– Банкир Бромберг? Так я был у него. Фрау К. мне о нем рассказала. Сам банкир в отъезде. Сашка, это не он. Я бы почувствовал. Я столько раз представлял, как встречусь с Сакромозо лицом к лицу!

– Но ты же не встретился. Он же в отъезде.

– Все равно. Сердце бы мне подсказало!

– Наш барометр – сердце! Это о-о-н... Ты очень точно скопировал этот жест. Бывало, в шахматы играем, он задумается, и знай трет себе руки. Теперь он

скрылся. Вредоносный тип! И оч-чень не глуп. Но я-то простофиля, а?

– Саш, ты не простофиля. Ты очень даже не простофиля! И я тебя за это люблю.

– Этот липовый банкир мне еще одного мерзавца подсунул – Цейхеля. Теперь я уверен, что этот переводчик из их шайки. Завтра же скажу куда след, что этот Цейхель липовый католик, немецкий шпион и трижды негодяй.

– А куда след? Кому сообщать-то?

– Черт его знает. У нас все секре-етно! Где этот отдел по тайнам обретается? Небось в Кенигсберге! Никакого порядку! Мне бы этого Цейхеля надо было вязать. Я его сегодня встретил. Шушваль вражеская!

– Что ж, теперь все немцы шпионы? Побереги жерило! Посмотрел дурак на дурака... Давай спать.

Записка

Наутро Никита поднялся с тяжелой головой и все с тем же вопросом:

– С чего же начать?

– Не знаю. Разве что с молитвы, – чистосердечно признался Белов. – Когда у меня на пороге стоит таинственный неразрешимый вопрос, я говорю себе, а не плохо бы повидать Лядащева.

– К черту Лядащева. Вечно я ему должен быть благодарен. Что это у нас за страна такая, что вечно должно Тайную канцелярию благодарить, что она тебе голову не свернула! – крикнул Никита в запальчивости, но тут же осадил себя. – А ты прав, пожалуй. Лядащев нам сейчас нужен, как никто. Где он?

– Ищи ветра в поле. Я тут как-то столкнулся с ним. Между прочим, расспрашивал про тебя. Где, мол, ты да что подделываешь.

Белов пообещал порасспросить кой кого и исчез, полковые дела требовали его присутствия. Все ждали с минуты на минуту приказа о выступлении, строя предположения о пункте назначения и упорно твердя о повторном походе на Франкфурт-на-Одере. Александр не верил этим слухам и, поскольку Никита собирался навестить пастора Тесина, попросил его по дружбе выведать, о чем разговаривают в штабе.

Тесина Никита застал за приготовлением проповеди. Конечно, перо и бумага были немедленно отставлены, князь был выслушан самым внимательным образом. История Мелитрисы, рассказанная Оленевым кратко, но образно, вызвала самое горячее сочувствие пастора. Мягким своим голосом он заверил Оленева, что постарается сделать все, чтобы найти след девицы. В словах пастора звучала глубокая, несколько экзальтированная вера в торжество справедливости, однако он не дал ни одного практического совета, и Оленев вдруг усомнился в возможности Тесина чем-то помочь. Ясно, что с этим вопросом к фельдмаршалу Фермору пастор не сунется, а сам – что он может сделать?

Однако удовлетворить просьбу Белова было вполне в силах пастора, наверняка в штабе главнокомандующего от него не таились. Вопрос о планах Фермора Оленев задал самым невинным светским тоном и тут же понял, что сморозил глупость. Немецкая педантичность и порядочность Тесина не могла позволить просто так выбалтывать военные тайны кому бы то ни было, даже другу. Лицо его приняло строгое и даже скорбное выражение.

– О пути следования русской армии знает один Всевышний. Мне известно, что господин фельдмаршал испытывает серьезные сомнения, но он не делится ими со мной. Знаю только, что все его мысли направлены на одно – как бы не уронить честь русского воинства.

– Сейчас все любят рассуждать о чести, – строго сказал Никита, – а по мне, народу бы поменьше в этой бойне полегло. Как с той, так и с другой стороны... Да!

«Еще не хватало, чтобы немцы и лифляндцы нам честь спасали!» – подумал он с раздражением и обидой и даже хотел брякнуть Тесину что-нибудь в этом роде, но вовремя одумался. У пастора было совершенно потерянное лицо, и он умолял взглядом: не говори ничего больше, сам потом пожалеешь.

На том и расстались. Александр где-то болтался по своим полковым делам. В самом отвратительном настроении Никита сел обедать. Из чисто отмытого окошка виден был угол сарая, где хранились повозки, сбруи, старые колеса, видно, в этот сарай и карету его сволокли. А не пустил немчура русского полковника в лучшую горницу. Никита успел заметить, что есть в этом доме помещение с зеркалами, что выходит на палисад с бузиной и цветным горошком. Сейчас бы он из окна совсем другой вид наблюдал.

Он потянулся за салфеткой, предполагая найти там хлеб, и очень удивился, обнаружив, что на тарелке лежит небольшой продолговатый пакет. На пористой серой бумаге было написано по-немецки: князю Оленеву в собственные руки, сверху обертки – такой-то полк, полковнику Белову А. Ф.

– Га-а-врила!

Появившийся камердинер пожал плечами.

– Почтарь принес. Военная почта. Говорит, что это письмо у них несколько дней валяется, полк найти не могли.

«Князь! Радея о судьбе известной опекаемой вами особы, извещаю, что сведения о ней вы можете получить в Познани в Табачной лавке пана Быдожского, что на Главной площади у монастыря францисканцев. Пану предъявите сие письмо. Торопитесь».

Подписи, разумеется, не было. Почерк грамотного, привыкшего к перу и бумаге человека говорил о том, что дама в оранжевой юбке с необыкновенным именем Фаина, никак не могла написать это письмо. Значит, кто-то писал за нее. Кто? Друг или враг? Никиту вдруг ознобило между лопатками, и даже затылок заныл, словно он поймал на себе чужой любопытный взгляд. Если письмо прислано к Сашке в полк, значит, за ним следили, как только он выехал из Кенигсберга. Невероятно!

Никита решил ехать немедленно, но явился Александр и уговорил отложить поездку до утра. По поводу письма он тоже не мог сказать ничего вразумительного. Решено только было посадить на козлы кареты вместо кучера Ефима бывалого солдата из обоза. В пять часов утра карета с полным багажом была готова к отъезду.

– Не нравится мне, что ты один едешь, – переживал Белов. – Дам я тебе, пожалуй, гренадеров в охрану.

– Ни в коем случае. Здесь езды-то не более пятидесяти верст.

– Это по прямой пятьдесят, а с объездами да с учетом военного времени все сто будет. А если нарвешься на пруссаков?

– Пистолеты заряжены, шпага у пояса, Господь в небе, охранит.

– Я тоже, батюшка, при пистолетах, – поддержал барина Гаврила.

Договорились, что при благоприятном стечении обстоятельств Никита через два-три вечера вернется на квартиру Белова в Ландсберг.

Дорога шла вначале вдоль тихой, извилистой Варты. Война не оставила здесь страшных своих следов, все выглядело мирно, почти благостно. Урожай на иных полях был уже убран, статные аккуратные снопики блестели золотом. Солнце неспешно поднималось над плоской, необозримой, как королевский бильярд, равниной.

На повороте возник стоящий на горке старый костел с мощными стенами и высокой оградой, оконные проемы храма были узки, как бойницы, толстые ворота окованы железом. Легко было представить, что это не храм, а замок, военная крепость. Среди этих приветливых рощ и дубрав бились насмерть литовцы и крестоносцы, поляки и немцы, теперь вот пруссаки и русские. Два народа, которые отличаются друг от друга одной буквой: прусский и русский. По нравам и обычаям совсем разные люди, но похожесть в написании сыграла свою лукавую роль. Мы похожи судьбой. Все бы нам воевать, все нейдет... И в Пруссии и в России любимая музыка – барабаны...

Так думал, улыбаясь снисходительно и поеживаясь от свежего ветра, князь Оленев. Гаврила мирно похрапывал рядом.

Дорога еще раз свернула и скоро влилась в широкий тракт. Это была уже другая дорога, похожая на распоротый шов на теле земли. По тракту прошла русская армия: глубокие, наполненные водой колеи, стоптанные в грязь поля, какая-то

брошенная дрянь на обочине, ветошь, куски рогожи, старой одежды, разбитые ящики, необрушенный труп лошади со вздутым животом и обязательным вороньем. И как назло, в смрадном этом пейзаже мысли о Мелитрисе, которые он упорно гнал от себя все утро, не только вернулись, но и завладели им полностью. Как человек практический, он боялся верить в успех сегодняшнего вояжа, молился только, чтобы какой-нибудь особенно едкой пакости не подсунула ему судьба, но сидящий в душе романтик тоже не был безучастным и, время от времени высывая свой лик, нашептывал в ухо, – а вдруг будет чудо, вдруг на пороге какого-то неведомого польского дома его встретит Мелитриса! А поскольку услужливое воображение тут же яркими мазками начинало разукрашивать придуманную встречу, Никита, боясь, как говорят крестьянки, сглаза, гнал от себя соблазнительную мечту. Уж лучше вспоминать, чем придумывать будущее.

Для начала вспомним ее лицо, вытянем из пеплом посыпанного мрака. Перед глазами возникли два окуляра, совершенно отдельный от глаз нежный рот, мертвые волосы парика. Мелитрисы не было, в памяти возник только размытый контур ее легкой фигуры.

Да, да, он отлично мог себе представить, как она идет навстречу. Где? В Царском Селе вдоль золоченой решетки и подстриженных, как пудели, лип. Никите не хотелось встречаться с Мелитрисой в этом официозном, царственно холодном месте, поэтому он попытался вспомнить тот ясный день, когда впервые повез ее во дворец. Вот она снимает очки... случилось! Он увидел воочию все разом, и ее белозубую улыбку, и длинный, худенький локон у виска, прядку эту безжалостно крутил ветер. Обочь дороги стояли подсушенные осенью травы, настырная, веселая шавка кидалась под колеса, кувыркаясь от возбуждения через голову, и ласточки «мужского рода» летали низко, предвещая надоевший дождь. Отреставрированная памятью картинка была яркая, клейкая и совершенно беззвучная. Скрип колес, топот копыт, лай собачонки и смех Мелитрисы не долетали из страны воспоминаний до сегодняшнего дня.

И тут черствое его настроение само собой смягчилось, разъяснилось, как проглянувший среди туч кусочек чистого неба. Он вспомнил давно покойную и нежно любимую мать. Она показывала худеньким пальцем в небо: «Если из этого синего кусочка можно тебе рубашку выкроить, значит, развиднеется». Никита, хлопая в ладоши, всегда кричал: «Можно, конечно, можно. А вон из того голубого кусочка выйдут рукава. Я же еще маленький». Теперь, князь, на твою

рубашку надо полнеба синевы, где же столько наготовиться. Видно, сегодня опять быть дождю... Надоела эта морозга!

А что он, собственно, разнылся? Вполне вероятно, что с Мелитрисы сняты уже чудовищные обвинения. В Тайной канцелярии наверняка знают, что он, ее опекун, за границей. Так кому же еще сдать на руки юную, невинную фрейлину, как не ему? Какая странная фамилия – Быдожский... Неужели этого поляка тоже завербовала Тайная канцелярия?

Никита наконец заснул.

В Познани

Никита долго искал нужный ему дом. Дело осложнялось тем, что у монастыря францисканцев, монументального подворья с костелом в стиле барокко, хоть и имелась лавка, но все называли ее фруктовой или турецкой, а отнюдь не табачной. Главными продуктами лавки были привезенные с юга фрукты, как-то: сушеный инжир, изюм, курага, орехи и пряности. В связи с войной товар был представлен менее разнообразно, скорей всего, лавка жила за счет старых запасов. Усмотрев на полке табак, Никита наудачу попросил приказчика позвать пана Быдожского. Приказчик не удивился, отлучился на минуту и опять приступил к торговле, то есть стал пристально смотреть в окно, ожидая покупателя.

Наконец явился высокий, лысый, чрезвычайно кислого вида господин, упорно отказывающийся говорить по-немецки. Это только считается, что русский и польский языки похожи. Они похожи ровно до тех пор, пока вам не нужно выяснить что-либо конкретное. Во всяком случае, при имени Мелитрисы лицо пана не выразило ни удивления, ни заинтересованности, он по-прежнему тихо ненавидел свою лавку, торговлю, саму жизнь и все ее проявления, продолжая твердить с завидным упорством «знать этого не могу». Наконец Никита отыскал в карманах письмо. Быдожский прочитал его самым внимательным образом.

– Ваше имя? – спросил он, вспомнив немецкий.

– Князь Оленев.

– Следуйте за мной.

Они вошли в комнату с низким потолком, которая служила конторой. На тянувшихся вдоль стен стеллажах лежали grossбухи, счета, а также стояли разнокалиберные весы с гирьками. На столе у зарешеченного окна неспешно шелестели от сквозняка нанизанные на длинную спицу деловые бумаги и расписки. Пан, не снимая бумаг с иглы, просмотрел их. Нужная обнаружилась в самом низу. Он легко потянул ее на себя, сорвав со спицы, и протянул Никите. На бумаге был написан адрес и даже начертан план.

– Поезжайте сюда, – он ткнул толстым пальцем в план, – крестом помечен костел Святой Малгожаты, вы его сразу увидите, длинный такой, из красного кирпича, с арками. Ехать вам надо на другую сторону Варты, там мост... каждый объяснит. Скажите, мне, мол, надо остров Тумский. Кружочком помечен сам дом. Он крашен розовой краской, небольшой, второй этаж мезонином. Над входом цифра – 1677, сей год выкован из меди и гвоздиками прибит. Легко найти, не заблудитесь. Стучать надо вот так... – Он три раза увесисто ударил кулаком по столешнице, потом легонько стукнул пальцем два раза. – Поняли? Вопросы есть?

Глубокая заинтересованность князя его рассказом, сделанным не без вдохновенья, частично примирила пана с жизнью, и на полнокровных губах его появилось подобие улыбки.

– Все понял, – поблагодарил Никита. – Вопрос один: кто вам дал этот план?

Выражение лица пана тут же усложнилось, в глазах появился чрезвычайно хитрый блеск.

– Это не мое дело, панове. Скажем так, мне сделали услугу – тайную, и я делаю услугу – тоже тайную. Я вам отдал план, а теперь отряхиваю руки, – он очень выразительно продемонстрировал названный жест. – Не желаете ли купить чего? Вяленая фи́га, привезли намедни. Очень добротная фи́га. Она, конечно, прошлогоднего урожая, но турки умеют хранить продукты, это я вам точно говорю.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Зунд – немецкое название пролива Эресунн.

2

Ретирада – отступление.

3

Сытуха – толстая женщина.

4

Напомним читателю, что это июнь 1758 года, в Европе идет война, прозванная впоследствии Семилетней. На одной стороне воюют Россия, Австрия, Франция и Швеция, на другой – Пруссия и Англия.

5

Брашно – еда.

6

Умный учится, дурак учит.

7

Мундиры, одежда и прочий приклад.

8

Жерило – горло.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sorotokina_nina/zakon-parnosti

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)